

Лев Усыскин

Ключ в двери

бесстыжий
мужской роман
о
сарказме
и
сексе

Лев Борисович Усыскин
Ключ в двери. Бесстыжий
мужской роман о
сарказме и сексе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61931437
ISBN 9785005157225*

Аннотация

...Когда для мужчины приходит время переоценки привычного – красоты, любви, удовольствий, еды и вина, секса и денег, отцовских чувств и даже языка, на котором разговариваешь – и призраки первой любви, парящие над руинами петербургского детства, не в силах ничего объяснить... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

PRELUDIO E FUGA (SOLO)	5
1	5
2	7
3	12
4	14
5	20
6. Галка	35
7	46
8. Маета весны	49
9	75
10	95
11	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ключ в двери Бесстыжий мужской роман о сарказме и сексе

Лев Борисович Усыскин

*«Девочкой маленькой ты мне предстала
неловкою» —*

Ах, одностишья стрелой Сафо пронзила меня!

.....

*В дом мой вступила ты, счастлива мной, как
обновкою:*

*Поясом, пригориней бус или цветным
баимачком, —*

*«Девочкой маленькой ты мне предстала
неловкою».*

София Парнок, 1915

© Лев Борисович Усыскин, 2020

ISBN 978-5-0051-5722-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

PRELUDIO E FUGA (SOLO)

1

Мое имя – Игорь Ли, мне сорок пять. Когда-то, классе в пятом или шестом, новый учитель математики по фамилии Хван (счастливо перебравшийся в Ленинград ушлый и мстительный ташкентский кореец), впервые открыв наш журнал, радостно ткнул пальцем в мою строчку, и, когда я поднялся из-за парты, немедленно скорчил гримасу разочарования: ну, вы сами видите, – рожа у меня вполне русская – никаких тебе узких глаз или чего там положено...

В общем, корейцев в роду у меня не было вовсе. Зато были китайцы. Прадед покупал в Сибири мех, что-то шил из него в Харбине, потом возил продавать во Владивосток. У него была русская жена и странное качество судьбы – оказываясь с завидной регулярностью в неправильное время в неправильном месте, он, однако, всякий раз находил способ увернуться от раздачи...

В общем, он как-то смекнул, что правильнее будет – дрейфовать на запад. Дед мой родился уже в Челябинске. Он женился на девушке с еврейскими корнями – вот все, что я знаю про свою бабку. Про еврейскую кровь, пожалуй, я задумался лишь однажды, уже будучи взрослым и узнав случай-

но от кого-то, что родной мой район, застроенный кооперативами середины 60-х – между 2-м Муринским и Тореза – величается в народе, вот-те раз, «кварталом еврейской бедноты». Видимо, семья моего отца была далека от народа, коли я об этом не ведал. От евреев, впрочем, мы были далеки тоже – их, сколько я помню, среди родительских друзей не встречалось. Ну, да я ушел в сторону...

Таким образом, отец мой родился в Туле, а я здесь, в Снегиревском роддоме, куда моя мать попала «по благу», как тогда говорили: иначе бы я с тем же успехом появился на свет в роддоме Педиатрического института, ближайшем к нашему жилищу. Впрочем, и это тоже не имеет никакого значения.

Короче, я так и живу в этих краях – разве лишь после смерти отца переехал неподалеку, продав без каких-либо сантиментов квартиру моего детства и купив взамен, а после объединив две смежные – двухкомнатную и трехкомнатную – в соседнем доме. Деньги в то время у меня – были.

Пожалуй, теперь вы знаете обо мне изрядно, чтоб не сказать – все. Самое время церемонно раскланяться, едва не коснувшись земли краем лакированного цилиндра, и после замкнуться пленительной, умиротворяющей, излучающей предельную респектабельность улыбкой.

Стало быть, здравствуйте, это я.

2

Шкаф, диван, два стула, стол
Кто-то был здесь, да ушел.
Кактус трется у окна,
Слева – гладкая стена,
На стене висит картина.
Денег нету. Я – скотина.

С Кариной мы расстались в марте. Из нынешнего далека та история видится чудаковато-незатейливой фортепьянной пьеской, вроде тех, что писались для кино в семидесятые годы – с нарочито гладким, как бы скользящим перебором клавишей. Как бы такое «та-ри-вер-ды... та-ри-вер-ды...»

Все произошло словно бы исподволь. Отказавшись под каким-то предлогом остаться на ночь, она не захотела сделать этого и днем позже. Кажется, потом ее не было совсем – дня два или три – отговаривалась, что занята в городе допоздна. Затем все же объявилась, но вновь не стала ночевать, не снисходя уже на этот раз до объяснений.

Понимая в принципе, к чему клонится дело, я, любопытства ради, проявил настойчивость, но удостоился в ответ лишь президентской радости, причем подобно тому саксофонисту-бедолаге, умудрился испачкать девушкину блузку. Вопреки обыкновению, она даже не рассердилась.

Больше она не приходила. Вещи свои, как выяснилось, она потихоньку вывозила заранее.

Это был чудной роман, конечно. Не самый чудной в моей жизни, но все же где-то вверху пьедестала. Мы познакомились на вечеринке у Котельниковых. Помнится, Слава задумал что-то там отпраздновать – не то новый Tuareg, не то отправку детей в Ставрополь к бабушке на все лето. То, что меня туда позвали, было отчасти странным – мы перед тем с полгода или больше не перезванивались, причем последний наш тогда разговор завершился, коли память меня не подводит, на какой-то избыточно острой ноте, оставившей плохо выводимый неприятный осадочек.

Как бы то ни было, меня пригласили, и я пришел. В полуподвальном грузинском кафе на Мойке собралось человек пятнадцать, примерно две трети из них были мне знакомы и раньше, остальным меня представили по прибытии с какой-то почти неуместной церемониальностью, как будто бы меня даже смутившей. В большинстве это были коллеги Кота по его адвокатским делам и их жёны, достаточно приятные люди нашего с ним возраста или даже моложе. Был, впрочем, один седенький старичок в очках – вот он шутил больше всех, двигался больше всех, приглашал танцевать и вообще весь вечер выступал заводилой. (Потом я узнал, что это какой-то уникальный специалист по международному наследственному праву – профессор всех на свете юрфаков и кон-

сультант сильных мира сего.)

Карину я как-то сразу и не выделил в этой суеде. За столом она сидела вдалеке от меня, о чем-то разговаривала с ближайшими соседями, время от времени сдержанно улыбалась – в общем, ничем не привлекла моего внимания, устремленного в тот момент главным образом на хозяев вечеринки, отношения с которыми я спешил поправить. Позже, перед десертом, когда большая часть гостей встала размяться, я отметил, что она не танцует медленные танцы. Кто-то попытался пригласить ее, но встретил отказ. Потом еще кто-то – с тем же успехом. Даже не знаю, какая сила заставила меня стать третьим в этом скорбном ряду – потерпев фиаско, и обменявшись приличия ради несколькими ничего не значащими фразами, я вернулся на свое место, где как раз в это время разносили мороженое и мадеру. Чуть позже все опять сорвались танцевать – на сей раз что-то бодрое, отрезвляющее и сжигающее свежесобранные калории. Карина тоже встала, прошла в круг и практически сразу же заняла в нем место против меня. Теперь и я удостоился улыбки – вполне приватного толка, бесхитростной и загадочной в то же самое время, ровно из тех, что женщины расточают обычно, желая понравиться. Собственно говоря, эта улыбка и решила все дело...

Расходились, помнится, не слишком поздно. Гости долго и шумно паковались в подвалившие такси, наконец, все три машины умчались куда-то в сторону Невского, и я, остав-

шлись один и желая немного проветриться, решил пройтись ногами до Горьковской. По какой-то причине, ныне начисто стертой из памяти, я не стал сокращать себе путь через Марсово поле, отдав предпочтение набережным – возможно, сыграла роль подсознательная тяга к воде как следствие действия алкогольных паров, не знаю. Я почти дошел до угла с Лебяжьей канавкой, когда заметил впереди себя показавшуюся мне знакомой женскую спину, чуть ссутулившуюся от быстрого шага. Уже в следующий миг я опознал Карину: видимо, она покинула кафе чуть раньше, и я за всеобщей суетой не обратил на это внимания. Я нагнал ее, и дальше мы пошли вместе, болтая о всякой всячине, сообразно случаю.

Она снимала комнату где-то на Петроградке – жила там после развода, вот уже несколько месяцев. Ей тридцать три, в браке просостояла лет восемь, не особо счастливо, особенно в конце. Детей не завели, нет. Подруга Маши Котельниковой, да, работает вместе с ней. Что еще? Сама не из Питера. Откуда? Издалека. Урал. Надо точнее? Ну, город Копейск Челябинской области. Да, родители там и сейчас живут, оба. Старики. Нет, не любит туда приезжать, дыра жуткая. Никого там уже не осталось. А здесь училась, да, тогда и познакомилась с Машей. Маша – очень хороший человек, я ее очень ценю, многим ей обязана. Бескорыстный человек. Что? Нет, у меня очень мало друзей, никого, практически, нет. Вот, Маша – и, пожалуй, все. Почему? Ну, не знаю, почему, так выходит, так вышло. Здесь вообще не шибко любят

приезжих. А ваш муж? Что муж? Ну, ваш бывший муж... он питерский?.. или тоже приезжий? Питерский... (помрачнела) Он питерский, да. Выходит, питерские вас все-таки тоже любили, иногда хотя бы. Иногда. (усмехнулась) Иногда – любят. Но он любил... любил надо мною издеваться... мне кажется... (вновь помрачнела, мотнула головой). Простите... Нет, ничего.

У метро мы все-таки обменялись телефонами. Прощаясь, взял ее за руку – для меня это всякий раз пленительное приключение – много, о чем способное поведать: ладонь порой говорит свое, больше, чем язык, и иначе. Дополняя, корректируя или даже вовсе ломая выстроенный до того образ... Здесь, однако, ничего необычного не открылось – ладонь была как ладонь, маленькая, теплая, податливо-расслабленная. Ладонь молодой еще женщины, беспокойной и неприкаянной, потерявшей себя и в огромном городе вокруг. Пристроить которую возжелала сердобольная подружка – ради чего и вытянула меня на вечеринку.

Эту-то интригу я давно разгадал. Ибо, хоть и глуп, но не наивен. Не вполне наивен, – так все-таки будет точнее.

3

Домой к себе я зазвал ее где-то дней через десять. За это время мы виделись дважды: в первый раз гуляли по Александровскому парку, а в подступившие затем выходные Маша позвала нас на спектакль в никому не ведомый театр. Помнится, мы пришли в какой-то полуподвал на Фонтанке, где нам сказали, что спектакля сегодня не состоится – во-первых, театр закрыт пожарной инспекцией, а во-вторых, мы все равно перепутали день и его в любом случае не было б. Не имея, чем себя занять, мы чуток прошвырнулись по набережной, после чего забурились втроем в первый попавшийся бар, где часа два потом сосали мартини под аккомпанемент Машиных веселых рассказней об извечных дрязгах в семье родителей мужа. Я говорил мало, Карина – еще меньше, но как-то, в общем, всякий раз по делу: когда – остроумно, когда – даже трогательно, не побоюсь этого слова.

Затем прошла без малого неделя. Созвонившись в пятницу, я забрал ее после работы (хоть убей, не помню, где именно она в то время перебирала бумажки), посадил в машину и отвез к себе. Если быть до конца честным, мы не договаривались о подобном обороте, но, кажется оба – и я, и она – по-отдельности предполагали, что все сложится именно так. Предполагали и ждали этого. И, конечно же, втайне хотели, чтобы так все и сложилось. В общем, мы не стали насиловать

судьбу, и, в сущности, правильно поступили...

Дома мы съели размороженную пиццу под посредственное Sangiovese, поговорили про *нечаянное одиночество* и *непознаваемость другого*, затем еще о чем-то, столь же вязком, чреватом намеками и недосказанностью. Потом она вроде заторопилась домой. Уже поздно, надо успеть на метро. Нет, мне никуда не надо с утра, но просто соседи не любят, когда... Ну, хорошо, хорошо, давай посидим еще немножко. Только ты потом проводишь, ладно? Я думал, ты останешься. Нет, не могу. Дела завтра. Какие еще дела в выходной? Ну, дела. Ну, вот ты уйдешь, и я буду один все выходные. Я тоже буду одна все выходные. Так и не уходи. Нет, мне надо. Да ладно, не надо. Ты правда хочешь, чтоб я осталась? Правда хочу, да. Чтоб ты осталась. Ну, давай в следующий раз тогда, хорошо. Нет, давай сейчас, чего там. Оставайся. Что тебе мешает? Ну как я могу... у меня нет здесь зубной щетки. Я не взяла. Плевать. Что плевать? Я дам тебе зубную щетку, у меня есть лишняя зубная щетка. Ну? Ну. (беру ее за руки) Угу? (опускает голову) Угууу... И вообще (я, почти срываясь голосом) мне хочется... вот знаешь, что... вот чтобы ты завтра, к примеру, проснулась, а я тебе кофе вкусный сварил с бутербродами и такой запах чтобы раздавался, да и увидеть твое лицо спросонья... Ты ведь пьешь утром кофе? (не подымая головы кивает) Пью... Ужа-асно...

4

Потом мы встали возле кровати, я обнял ее, погрузившись ноздрями в ворох волос на макушке, вобрал в себя этот стыдливый запах застигнутой врасплох женщины, и, дождавшись, когда ее руки обретут себя, полусомкнувшись на моей спине, чуть отклонился чтобы расстегнуть блузку.

– У меня там прыщик. Два прыщика. На плече и чуть ниже. Я же не знала и не взяла крем.

Влажные глаза поднялись на меня снизу вверх, растерянно, просяще – подвигнув тут же на серию воробьиных поцелуев: лоб, переносица, мочка уха, губы, снова губы, кончик носа...

– И грудь у меня маленькая, мужчинам такая не нравится..

Я уже снимал с нее бюстгалтер, простой, тряпичный, почти не нужный для этих, и впрямь очень маленьких, практически детских выпуклостей со светло-розовыми опрятными сосочками в окружении таких же скромных и столь же розовых ареол. На правой, с внутренней стороны чуть ниже экватора – трогательная светло-коричневая родинка неправильной овальной формы, из которой торчит несколько жестких полуседых волосков пучком...

Вообще же, я люблю открывать женскую грудь – подобно первому касанию ладони, это действие тоже дает новое узнавание – но теперь больше зрительное, нежели осязательное:

грудь – у всех разная, это второе лицо женщины, а соски – ее дополнительные глаза. У этого лица свое собственное выражение и настроение, оно смотрит туда, куда само пожелает, не соотносясь с глазами на голове, оно не вполне подвластно своему хозяину и порой способно вызывать у него самые разные чувства в свой адрес – я даже знал одну девушку, которую ее грудь раздражала так, как может раздражать только родственник, причем из тех, кого не выбирают – вроде сестры или брата. Впрочем, я опять свернул на лирическую стезю...

Освободившись от одежды, Карина вдруг отстранилась слегка, а затем сама, ничуть мною не понуждаемая и не направляемая, шагнула на кровать с какой-то, чуть приторможенной, грацией решимости – словно бы задумала погрузиться в прохладную воду. Миг спустя она уже лежала на спине, сомкнув ноги и вытянув руки вдоль тела – будто детская кукла в открытой упаковочной коробке.

Торопливо, как мальчишка, скинув все с себя, я поспешил присоединиться – встав над ней на колени, склонился в долгий, затейливый поцелуй, а затем, не отрывая губ полностью, медленно двинулся вниз, через бархатистый холмик подбородка, пульсирующую жилку на горле, обхватив на миг и тут же выпустив конфетную мякоть соска, проскочив дрожащей дорожкой меж детских ребер, дальше, дальше, пока губы не утонули в рыжеватой поросли чуть подвигающихся коротких волосков – и дождавшись когда ноги, покорной

стражей подавшись вверх и в стороны, освободят мне путь, проник туда ладонью, почувствовав через мгновение на кончиках пальцев ласковую влажность вульвы.

Потом она приняла меня, откликнувшись в первый момент короткой, еле ощутимой конвульсией и, затем, словно плюшевый медвежонок, послушно обняв руками и ногами – отдавшись моей воле уже насовсем в этом странном плавании через всегдашнюю реку ночи.

Лишь утром я сполна насладился разглядыванием. Не обладая стáтью подиумной модели, Карина, однако, исправно возбуждала меня, – и тогда, в первую нашу встречу, и после – причем, возбуждала, если так можно сказать, как раз проявлениями своего телесного несовершенства – если, конечно, принять совершенством общепризнанный глянцево-обложечный идеал, от которого никому ни тепло, ни холодно. Эти чуть более широкие, чем надо плечи, рой блеклых веснушек, начинающийся от шеи и спускающийся до предплечий, ничуть не бразильские, а даже какие-то мальчишеские ягодицы – все это уверенно нажимало каждый раз потайные кнопки моей чувственности, словно бы говоря на чудном, застенчивом языке: «гляди же, вот я перед тобою, уж такая как есть, сложена как подобает женщине и сейчас я твоя, полностью твоя – и другой у тебя сейчас нету, но ведь и я могу одарить тебя той сладостью, какую дарят тебе обыкновенно женщины...» И я торопился ответить на это как подобает.

...Надо было встать и сварить кофе. Разомлевшие от утренних ласк, мы, однако, не спешили нарушить горизонтальность наших тел, понимая при этом отчетливо, что дальше станет только хуже – ветреная нега пробуждения, перейдя незримую черту, с неизбежностью обратится вязким болотным безволием, мало, что труднопреодолимым, так еще и способным отравить собою целый день напролет – как, все равно, выпитая спросонья водка.

Так, что – надо было вставать, конечно, мы же вместо этого тешили себя разговорами – как, впрочем, оно и бывает обычно у людей, впервые оказавшихся в постели вместе. Словно бы поглаживали друг друга, продолжая ласкать, теперь уже вот этими откровенными щебетаниями – отрывочными, случайными, никак не собираемыми, подобно детскому паззлу, в единый рисунок, но почему-то все-таки рвущимися на волю, требующими ревниво, чтобы ими делились... сейчас... немедленно...

...Знаешь, я никогда не кончаю. Совсем никогда. Нет, ты тут не при чем – я и с мужем тоже так, ну, может, раз или два все-таки было – но каждый раз неожиданно, удивляло даже обоих. Но вообще, когда показывают в кино, как это бывает, поражаюсь всегда. Завидуешь? Не знаю. Ну вот просто странно. Мне это так же странно, как большая грудь – когда вижу, ловлю в себе желание... только не смейся... желание потрогать... правда... ну вот не могу никак себя пред-

ставить с такой большой грудью... не могу, хоть убей... вот как если третья рука все равно. А получалось потрогать? Нет... Ну, не помню. Короче, нет. Меня в общем к женщинам эротически никогда не влекло – однажды, правда, влюбилась... в киноактрису... но это быстро прошло... затмение такое... сильное, но очень короткое, как удар током. Не знаю, как объяснить. Но скажи... получается, тебе вообще не нужен секс? Почему не нужен? Нужен. Нет, мне нравится секс, все хорошо. Правда, правда! Руки, ноги, вот, наконец, понимаешь, что они как раз и растут, чтобы кого-то обнимать, а не для чего-то другого. Ну и потом... честно говоря... когда мужчина в тебя входит... такое особое ощущение... как бы тебе растолковать... ну вот вдруг понимаешь, что твое тело... оно тебе не принадлежит больше... и это хорошо... потому, что его не надо защищать, оборонять... и это приносит такое облегчение... Но, погоди, погоди: получается, до этого ты всегда была... Да-а! Именно так! Вдруг понимаешь, что до этого оказывается... была все время настороже, напрягалась... даже когда думала, что расслаблена полностью – все равно напрягалась... и только теперь свободна-свободна... совсем... могу сосредоточиться на себе самой, на своих ощущениях... ну тебе не понять, наверно.

Потом был тот самый, обещанный кофе с горячими бутербродами. Я, похоже, тогда перестарался: нажарил зачем-то целую гору гренок, украсил их сыром, какими-то пальмами

из петрушки да розочками из помидорок-черри. И, кажется, еще зиры добавил для пущего размаха – но все равно вышло съедобно. Карина стрескала их за милую душу, почти ничего не оставив на блюде – смотреть на это было как-то даже приятно...

Расставаясь, я обнял ее, отвел в сторону распущенные волосы, открыв спрятанную ими довольно длинную, красивую шею, коснулся ее губами и, мгновение спустя, слегка укусил.

– Ай! Отпусти!

– Придешь еще?

Кивнула в ответ.

– Приду. Если ты, конечно, захочешь...

И начался ад. Ну, то есть, не ад, конечно – но словно бы род цирковой эквилибристики, что ли, чьей-то злой волей или же заразным недомыслием обращенной в повседневный быт. Когда люди, подобно канатоходцам, балансируют вокруг неких тонких линий – при том, что линии эти лишь нарисованы на твердой земле и ничто не мешает сойти с них в любую сторону. Балансируют и, вдобавок, при этом еще и перекидываются зажженными булавами...

В общем, Карина вновь возникла у меня через неделю. Потом – опять в выходные, потом стала появляться и на буднях, оставаясь на два или три дня кряду. Однако ни разу не прожила у меня больше недели целиком – ни тогда, ни после. Если взглянуть непредвзято – это, конечно, мало наполнило семейную жизнь, во всяком случае, такую, какой ей подобает быть согласно привычным представлениям. Но что имели – то имели, как говорится. Впрочем, я тогда действительно был убежден, что иного нам обоим и не требуется.

Однако это мерцающее присутствие молодой женщины не помешало моему жилищу наполниться множеством принадлежавших ей предметов – заставляя постоянно наткаться то на какую-нибудь кисточку для нанесения пудры, закатившуюся между подушками дивана, то и вовсе на свежестиранные трусики, вывешенные сушиться на хромирован-

ную трубу в ванной едва ли не на уровне моих глаз. Она словно бы метила территорию, но делала это как-то безалаберно, хаотично, ни одну вещь не оставляя там, где, на мой взгляд, ее следовало бы оставить...

Раздражало ли это меня? Еще как! Хотя, вру: в начале – больше забавляло. Напоминало игру или же странную такую переписку, что ли. Вскоре, однако, дела пошли хуже: Карина, вот-те раз, стала делать мне замечания, и даже чаще, нежели я – в ее адрес. Сознаюсь, я тоже не сторонник превращения жилища в музей – в конце концов, толстой, похожей на утку, Зариме из Ургенча, приходившей по четвергам вымыть полы, тоже надо отрабатывать свой гонорар – но все-таки это мой дом, я здесь король и папа римский в едином лице, и это мой род законного удовольствия – оставить, к примеру, на письменном столе чашку из-под чая, с налетом выпавшего в осадок сахара на доньшке и засыхающим ломтиком лимона.

Ну я, конечно, вновь сейчас лукавлю. Если бы... если бы эта женщина... если бы она возложила хотя бы горстку собственных усилий на алтарь домашнего порядка – то и я бы, конечно же... несомненно и необратимо... начал бы работать над собой, угождая Пенатам все более и более... ведь не совсем же я чудовище по крови своей!..

Тьфу, опять в какие-то дразги скатился... Короче, так мы и жили – не тужили: я – простой и понятный, как девятидюймовый гвоздь, и она – вся загадочная, как теорема Ко-

тельникова.

Скажем, вечереет, Карина сидит в кресле, поджав ноги и уткнувшись в свой розовый ноутбук. Я гляжу на эти самые поджатые ноги, гляжу как изредка шевелятся на них пальчики, как, не отрываясь от экрана, она потрогала руками изогнутый вовнутрь мизинчик с неровным ногтем... Жажда движения рождается во мне и требует выхода:

– Ты как, в суши-бар если свалиться сейчас прямо?

Пожимает плечами:

– Не знаю...

На миг лишь подымает глаза – и снова в экран. Там, видеть, что-то интересное.

– Что не знаю? Ты б хотела или не хотела?

– Да не знаю я.

– Да или нет?

– Если тебе так хочется – давай пойдем.

– Но ответь, ты не хочешь никуда вообще? Или все-таки хочешь, но в другое место? Я же не собираюсь тебя насилловать.

– Нет, в суши-бар так в суши-бар, хорошо.

Отрывается, наконец, и даже улыбка как бы мелькнула на миг.

– Ты в этом уверена?

– Уверена, да.

Убирает ноутбук. Встает. Натягивает колготки, дразня меня нелепыми и одновременно томящими движениями: но-

ги, словно две необъезженные лошади, впервые попавшие в упряжь, подчиняясь человеческой воле, принимают сперва скованную, чуждую им позу, но вскоре осваиваются и, обретая свободу, демонстрируют еще большую, чем прежде, грацию, вновь подстегивая во мне потребность в действии.

Мы идем в суши-бар, где выясняется, что эти японские сырые кренделя она не ест от слова совсем. Мисо-суп она не хочет сейчас потому, что вечер. Всяческую свинину не ест, потому что свинина и потому что часто она сладкая. Рыбу не хочет тоже. Не вообще, но сегодня не хочет, да. Вот не хочет, и все. Короче, с трудом находится какая-то непрофильная дрянь в меню – я ее заказываю с чувством, что мне делают одолжение и что удовольствие утрачено на две трети: это меня сводили в ресторан, а не я.

Назад идем медленно и почти молча – то ли от сытости, то ли от выпитого темного пива, то ли от не оправдавшихся ожиданий.

– Ты доволен?

Киваю. Мне лень отвечать.

– Местами. Да.

– Какими местами?

Пожимаю плечами.

– Некоторыми. Всего лишь хотел угостить... тебя... этой прикольной лапшой... а ты...

Мотаю головой, не зная, что сказать еще. Карина в ответ прижимается к моему плечу и, взяв двумя руками за локоть,

заглядывает в глаза:

– Не сердись! Ну не сердись только, хорошо?

Киваю и она тут же отстраняется.

– Просто у меня сегодня плохой аппетит. Весь день.

Дома устало плюхаюсь на диван, перевожу дыхание, затем, дождавшись, когда Карина, войдя в комнату, окажется рядом, без предупреждения хватаю ее за талию и валю к себе на колени.

– Аау... что ты... делаешь...

Все же не пытается сопротивляться – переворачиваю и легонько пихаю чуть вперед. Она вновь подчиняется, послушно подымаясь и перемещая тело в согласии с моими руками. Теперь ее колени проваливаются в мягкость обивки, в то время как грудь лежит на диванном валике. Голова опущена, волосы потоком струятся вниз...

Вот она, вся как есть: но воистину, эти, царапающие мой глаз, черные с узором колготки нестерпимы на белом теле! Приспускаю до середины Карининых бедер, обнажая девушкину попку, требовательно провожу по ней ладонью – от прикосновения Карина замирает вся, перестает – покорно ожидая своей участи – шевелиться вовсе, однако и я уже теперь не спешу: что там, мне нравится гладить эту попку, смотреть на эту попку, представлять, как владелица этой попки еще совсем недавно выкобенивалась перед официантом, будто взрослая женщина. Что ж – спускаю черный обруч еще ниже, до щиколоток, раздвигаю бедра ребром ла-

дони, потом, сжав руку в кулак, старательно раздвигаю еще и, вновь расправив ладонь, убеждаюсь, что нужное мне стало влажным. Расстегиваюсь, затем с приятным затруднением вхожу, обняв девушку сверху и, позже, перед самой кульминацией поцеловав в затылок...

Мыться идем в разные ванны, встречаясь потом уже в постели.

Помнится, на исходе лета, используя всегдашнее отпускной анабиоз моих заказчиков, затеяли прошвырнуться в Карелию на машине. Я предложил, Карина подхватила – даже с известным энтузиазмом, чем меня изрядно раззадорила. В самом деле, мы с ней еще никуда не выезжали дальше Павловска – в Карелии она, конечно же, не бывала, с прежним мужем на автомобиле не путешествовала (да у них и не было автомобиля). В общем, собрались и поехали, чего там.

Разумеется, в машине ее вскоре стало укачивать. Как-то в животе не так. Немножко плохо. Остановить? Нет. Едем дальше? Ну, да. Или все-таки остановить? Нет, поехали, поехали. Но можешь остановить? Я ж предлагал – давай остановимся, нет проблем. Хорошо, остановись. Вышла. Отдышалась, размялась, блевать, впрочем, не стала. Едем дальше? Ага. Поехали, минуты через две: останови пожалуйста. Что такое? Зачем? Опять укачало? Ну останови. Не укачало. Ну что такое? Писать хочу, вот что такое. Ладно, останавливаемся. Уходит куда-то в лес, надолго. Возвращается с буке-

том цветочков, довольная. Пописала, стало быть, вволю. Ну, что ж, завожу мотор...

В Петрозаводске забронировали гостиницу, как оказалось, в полном смысле слова на воде – в переоборудованном дебаркадере, красовавшемся прямо на серой глади Онежского озера возле впадения в него некой безымянной говнотечки. Какая-то, не вполне настоящая была гостиница: ни тебе вывески, ничего – да и других постояльцев мы ни разу на борту не встретили. Впрочем, внутри все было по-корабельному чистенько, аккуратно, все что надо – работало, лежало на предназначенных для этого местах, сверкало и даже пахло приятно. Мы словно бы оказались среди кинодекораций, где волею неведомого Хичкока должны были сыграть случайно остановившуюся на ночлег пару...

Ночью я вдруг проснулся от загадочного ощущения – словно бы что-то ударило беззвучно и коротко, ударило и отпустило. Решив, что все это идет изнутри меня и просто прикинулось, попытался забыться вновь – но уже не смог. Так и лежал какое-то время, глядя в потолок, набранный, будто в сауне, узкой лакированной рейкой. И тут разбудивший меня удар повторился – на этот раз я почувствовал его вполне отчетливо, практически, всем телом. Собственно, это был никакой не удар: просто наш дебаркадер медленно сдвинулся с места, повинуясь движению воды или, может, ветра – в той степени, в которой ему позволяли швартовы. Сдвинулся вместе со всей вселенной, плавно закручиваясь, прошел

короткий путь и затем остановился, встретив сопротивление натянувшихся канатов. Движение достаточно незначительное и в дневной суете практически незаметное – но теперь, в застывшей тишине ночи, и оно сумело сформировать даже в чем-то пронзительное и, честно сказать, довольно приятное чувство.

Лежа, по-прежнему, без движения, я дождался, когда все это повторится вновь, после чего встал на кровати и попытался выглянуть в расположенный почти под самым потолком иллюминатор. Увы, ничего я в нем толком не увидел (в ночной темноте едва угадывались очертания берега – и только). Соскочив на пол, я присел на койку и взглянул на Карину, безмятежно спавшую через проход от меня. Девушка лежала на боку, спиной ко мне, чуть поджав ноги и засунув под подушку правую руку. Мне показалось, я даже слышал ее посапывание. Недолго поразмышляв, я скользнул к ней под одеяло – и в этот момент дебаркадер опять поволокло.

– Мм?.. Ты не спишь?.. А?.. Что это... такое... с нами?..

– Ничего, – я провожу рукой по ее спинке, – мы отправляемся в плаванье... отваливаем от берега, затем по реке Свирь в Ладогу, оттуда Невою домой... машину придется оставить здесь...

Расслабленная со сна и слегка перегревшаяся, она прижимается ко мне велюровым своим телом.

– Ты хочешь... сейчас?..

Я начинаю, и оживший дебаркадер добавляет нам свои толчки, словно третий участник...

Мне нравится все это, нравится чувствовать, как просыпается тело женщины, как подчиняется моим движениям, как в какой-то момент, словно бы переступив невидимую черту, оно как бы впивается в меня, сжимает ногами все сильнее, сильнее, сильнее – и вдруг, разразившись коротким, чуть-хрипловатым, полувыводом-полувскриком, отпускает меня, обмякнув.

Переводим дыхание.

– У?.. Ну, как?.. Ты кончила, что ли? (Опухший язык едва ворочается у меня во рту.)

– Ага!!! И ты тоже вместе со мной, да? Ми-ильный...

Она прижимается ко мне вновь и начинает судорожно, радостно целовать.

– Так здорово!.. Теперь и у тебя... то есть, у нас вместе... получилось!..

Заснуть удастся уже ближе к рассвету.

Сам же городок оказался – ну так себе, в общем. Северная наша скромная бедность. Разрозненные следы той эпохи, когда люди еще были людьми и жили по-человечески. Плюс несколько следов эпохи, когда жили не по-человечески, но все еще строили красивые театры с университетами. Вот, в общем-то, и все. Прилежно это осмотрели, затем прошвырнулись по положенным окрестностям – ну, там всякие

церкви в Кондопоге да водопады-кивачи. Затем нам все это надоело, и мы поехали восвояси – северной дорогой, через Сердоболь.

Я, однако, на правах практически местного, предложил заехать в Рускеалу – опять-таки водопады, туда-сюда, этот их знаменитый мраморный карьер. Ну, Карина не против, естественно: ей-то что. Бодренько сворачиваю с Сортавальской трассы на Вяртсиля, доезжаем до водопадиков, где моя подруга полчаса изображает из себя Аленушку с картины Васнецова. Затем покупает банку сомнительного морошкового варенья, и едем дальше.

Мраморный карьер это, кто не знает, действительно штука стоящая. Там, значит, искусственное озеро, выдолбленное за два века в скалах, словно бы в кристалле таком – по нему лодки шныряют. А вокруг по периметру, высоко-высоко – оборудованная тропа: где надо – ступеньки, где надо – перила, ограждения из них. Гуляешь по ней и смотришь на озеро внизу под тобой. Впечатляет, чего там.

Ну мы и гуляли – как у них там заведено – против хода часовой стрелки. Обошли, значит, этот карьер неспеша, практически вернулись к исходной позиции – всем хорошо, все довольны: и я доволен, и Карина довольна тоже. Она, пожалуй, даже моего поболее: прямо, вижу, как воспряла вся, ед-ва ли не крыльями машет... Ну, вот. И, значит, почти уже в самом конце маршрута – там есть такой выступ, мысок, отходит от этой самой огороженной тропы и нависает над

водой на бог знает какой высоте Ласточкиным Гнездом – вот там Карина вдруг отпускает мою руку и, прежде чем я успеваю опомниться, за ограждение – шась. Ну и встала там, на краю, практически – стоит, жмурится на солнышке... Стоит, стоит, стоит – а мне аж нехорошо. То есть, вот совсем нехорошо: дышу через раз. Я, вообще-то, и сам высоту переносу плохо, а уж тут... и, главное, не сделаешь ничего: только и остается дожидаться, пока она насытится своими разговорами с Космосом... Чем я, собственно, и занимался, выворачивая себе мозг сонмом матерных ругательств. Ей же – все нипочем, русалка и есть.

Короче, когда все кончилось, я как-то... не выразил восторга, ну вы понимаете. Ладно, поехали дальше. В Сортавале побродили немного, потом заночевали в каком-то клоповнике, а уже поутру следующего дня – двинулись домой на всех парах.

...В дороге она расплакалась. Я и заметил-то это, считай, случайно: захотел, кажется, что-то сказать, дождался подходящего момента, повернул голову и увидел, как лицо моей подруги набухает от подступающих слез. Вот буквально всеми своими частями набухает, а не одними только глазами!

– Что, Карина?

Мне стало не по себе.

– А чего плачешь?

Втягивает носом соплю.

– Я не плачу.

Однако взглянув в очередной раз вправо, я вижу, как блеснули на щеках первые слезы.

– Ты плачешь!

Вместо ответа она мотает головой, но затем сразу же закрывает лицо ладонями и принимается реветь в голос.

Съезжаю на обочину. словно бы в рифму к Карининым слезам немедленно налаживается меланхоличный грибной дождик, капли его покрывают ветровое стекло, множатся подобно колониям бактерий в чашечке Петри. Включаю дворники в ленивый режим, жду. Наконец истерика вроде начинает спадать – я обнимаю девушку за плечи, она сперва поддается, но миг спустя с усилием отстраняется.

– Да что такое?

– Ничего...

Убирает от лица руки.

– Ничего... просто ты... ни о чем меня не спрашиваешь... хочу ли я чего-нибудь... или нет... все сам...

И тут же какая-то растерянность, вот те раз – да я просто не знаю, о чем она сейчас. И нехорошее такое чувство, – будто тебя подловили на ровном месте, посреди трудно давшейся безмятежности. Подловили, подловили и вывернуться будет теперь непросто...

– Все-таки о чем ты?.. Конкретно...

– Ни о чем. Обо всем. Обо всем вообще (девушка меж тем успокаивается). Ты же решил, что надо ехать... домой

быстро...

– Решил. Мы решили. И что?

– Нет, не мы. Это ты решил.

– Ну, хорошо. Пусть я. Но что из этого?

– А то...

– Что «а то»?

– То, что я может быть хотела другого...

– Чего другого?

– Ну другого.

– Ну чего, чего другого? Вот скажи.

– Ну другого. Ну вот, скажем, грибы пособирать.

– Ну давай остановимся и пособираем.

– Теперь поздно.

– Но почему?

– Теперь поздно, я не хочу. Да и не в грибах дело.

– А в чем же? (Я, кажется, начинаю уставать.) Ну что не так? Что я, по-твоему, делаю неправильно?

Карина поворачивается ко мне лицом, смотрит пристально, как будто принимает у меня экзамен – и я этот экзамен безнадежно заваливаю:

– Тут не только ты... тут все... и мой бывший муж... и его родители... и мои родители тоже... Никто никогда не спрашивает, чего я хочу. Что мне надо, чего не хватает. Все и так это знают, без моей помощи. Очень хорошо все всё знают. Лучше, чем я.

Она, похоже, вновь собирается расплакаться.

– Прекрати.

Беру ее за руку. На этот раз она не отдергивается.

– Понимаешь... никто... никогда... не интересовался... вообще никогда... я для вас для всех... просто часть вашего замысла какого-то... и все... если меня и любят, то только в этом качестве... а не как живого человека... а ведь у меня свои желания есть... и свои проблемы!..

Я наощупь нахожу вторую ее ладонь. Тяну к себе, подношу к губам, целую.

– Ну, хорошо, маленький... хорошо... давай ты мне расскажешь... прямо сейчас... чего тебе не хватает... чего ты хочешь...

Карина отпускает мои руки.

– Ты правда хочешь это услышать?

Киваю.

– Я даже попробую догадаться... ты снова хочешь замуж, ведь так?

Старательно мотает головой.

– Нет. Уже не хочу. Правда, не хочу.

– Что же тогда?

Вновь этот взгляд – безнадежного экзаменатора.

– А ты недогадлив, Игорь!

– Да, я недогадлив. Так что же? Скажи, не томи, коли так.

Мне, такому недогадливому.

– Я хочу ребенка.

– От меня? Ты хочешь, чтоб я сделал тебе ребенка?

Мотаает головой вновь.

– Не важно. От тебя. Не от тебя. Я хочу ребенка, и все. Мне нужен ребенок. Но у меня... (Поперхнулась) У меня ребенка не будет.

...

– Почему?

– Ну вот так. Врачи сказали.

– Врачи?

– Я этой весной консультировалась в Отта, – там все подтвердили, увы. Беременность невозможна. Что-то было в детстве, какая-то инфекция, недолечили.

– И ничего нельзя сделать совсем?

Мотаает головой, словно бы виновато.

– Ничего. У нас ничего, по крайней мере. Может быть, где-то в другом месте... но никто не слышал...

Киваю машинально. Мне нечего сказать – да Карина и не ждет от меня слов. Лицо ее набухает вновь, темнеет, появляются слезы. Я пододвигаюсь к ней, вновь обнимаю за плечи и привлекаю к себе. Так мы и сидим минут двадцать, наверное. Затем, убедившись, что девушка успокоилась, осторожно отпускаю ее, завожу машину и мы молча едем домой сквозь установившийся дождь.

6. Галка

Забыл рассказать. Короче, эта... в общем, будете смеяться – но у меня еще есть дочь. Зовут Галка, ей сейчас двадцать два. Хотя... погодите... или, может, двадцать три уже?.. Нет, все верно, двадцать два – а двадцать три было мне как раз при ее рождении. Тот еще дурак был.

Ну, что... Стало быть, с ее мамашей... ну это мутная и, в общем, скучноватая история. Разошлись, короче, когда девочке еще и четырех не исполнилось. Худо-бедно – единственный в моей жизни законный (едва не написал «законченный») брак, чего там.

Вообще вот, как-то даже вспомнить ничего не могу отрадного – принято считать, что дурное, оно отшелушивается, зато приятные моменты остаются в памяти и впоследствии исправно согревают душу, тра-та-та, тра-ля-ля. Как бы ни так: хоть застрели, не приходит ничего такого в голову – скандалы чуть ли не до рукоприкладства – это пожалуйста: как вспомню, так вздрогну. А вот чего-то лучезарного – увы, не проступает ни при каком нажиме.

Ну разве лишь сама Галка, когда маленькая была, кудрявая – вот это, конечно, приятно ворошить в памяти, не скрою. Да и когда немаленькая стала, все равно приятно о ней думать всякий раз – я даже взял за правило себя этими мыслями успокаивать, если становится особенно паршиво.

Видимо, я ее люблю. Хоть и не понимаю ни хера.

Скажем, приходит иногда ко мне – почти без предупреждения, позвонив перед тем минут за двадцать. Я, разумеется, укоряю, дескать, что же ты как снег на голову – но это, понятно, ритуал, красивый древний обычай. Вот, значит, приходит. Чаю хочешь? Кивает. Ага. С вареньем? Да. Черника, все как ты любишь. Или вдруг предпочтешь малину сегодня, чем черт не шутит? Спасибо, нет, чернику, да, хорошо. Наливаю чаю, зачерпываю варенье в розеточку – сидит, чуть ссутулившись, греет ладони, обхватив ими высокую керамическую кружку с нарисованным пингвиным семейством (специально для нее держу, храню в особом месте, чтоб никому не повадно), загадочно улыбается. Что у тебя? Пожимает плечами. В институте? Аа... Отхлебывает чай мелкими глоточками. Вдруг подняла голову: послушай... Да? Ты помнишь, когда я маленькая была совсем... Да... Еще ходить не умела толком... вот вы с мамой меня возили однажды в Первый мед, на какую-то консультацию... И вот когда назад шли к машине – вы меня каждый за руку держали. А я так шла по тротуару, почти подпрыгивая, и очень старалась, даже язык высунула от напряжения... и все смеялись, кто навстречу шел... Вот помнишь ты это, или нет?

Я киваю. Уж я-то помню, поверь. Как не забыть... Я-то помню, но вот ты, дорогуша, этого как раз помнить не можешь... это все тебе рассказывали... кто-то рассказывал, я или мама... (Теперь моя очередь усмехнуться.) А что, в свя-

зи с чем? Да так, ничего, в общем. Опять отхлебывает чай. Ничего, просто вдруг вспомнила про это... почему-то... Даже не знаю, почему.

Мотает головой из стороны в сторону.

Минут через десять – встает. Ладно, пойду. Мне пора. Провожая, и уже практически в дверях меня вдруг настигает что-то – какая-то нахлынувшая оторопь, невнятное стремление – я принимаюсь судорожно подыскивать слова, торопливо смиряя язык неведомо чего ради:

А это... Как там твой Василий? Да нормально... что ему сделается... этому флегматику прожженному. Ходит в свой банк. Живешь у него или у мамы? Когда как. Сейчас вообще у подружки большей частью. К сессии вместе готовимся. Ладно. Чао, папка. Заскочу снова на днях...

Черничное варенье так и осталось нетронутым...

Или, допустим, звонит и спрашивает номер моей карточки. Чуть погода приходит уведомление о списании не вполне скромной суммы в пользу какого-то гонконгского интернет-магазина с непроизносимым названием почти из одних гласных. При встрече, я интересуюсь сделанной покупкой – к искреннему удивлению дочери, полагававшей, что это имело место столь невозможно давно – целых две недели назад! – что какие-либо обсуждения попросту неприличны. Так что это было? Да так, ничего, ерунда. А все же? Ну, там для Василия один гаджет. (Произносит вовсе незнакомое мне слово.) А зачем он? Ну, так... ты все равно не поймешь... вот он

курит трубку и ему надо бла-бла-бла-бла. Иначе будет – бло-бло-бло-бло... В общем, я действительно мало что понял – но уточнять и впрямь охота отпала...

Наверное, я плохой отец. Оставив трехлетнего младенца матери, выпорхнул на свободу веселым чижом – впрочем, как все или, по крайней мере, как многие вокруг – ничего выдающегося, ей-богу. Нет, я не прятался от ответственности, боже упаси, – я принимал участие в том, в чем надлежало принять участие, я давал деньги, я тратил время и нервы в розницу и оптом, я даже пытался, поминутно приходя в отчаянье, что-то дельное вложить в эту кудрявую головку. Впрочем, однажды мне все-таки надоело стучаться в нарисованную дверь, и я сменил педагогическую манеру, разом обуздав в себе гордыню и амбиции. И с этого дня – слегка за шалости бранил... и в цирк водил... ворча сердито, кусая длинный ус... Я до сих пор не знаю, правильно ли тогда поступил – но всякий раз, когда с моей карточки неожиданно списывается некруглая сумма, а после раздается виноватый телефонный звонок – я, наряду с неизбежным раздражением, чувствую на дне души еще и некое странное удовлетворение, словно бы стал богаче, а не наоборот. *Expendo ergo sum.*

С Кариной они, конечно же, не сошлись. Я, впрочем, с первых дней предчувствовал, что именно так и окажется-

ся – стилистическая интуиция все-таки редко меня подводит. Шанс проверить ее, однако, выпал не скоро: прошел месяц, а то и полтора, прежде чем та и другая оказались в моем доме одновременно. Оно и немудрено: дочкины визиты, столь нечастые и стремительные, почему-то всякий раз приходились на время Каринино отсутствия (и, скажем так, слава Богу!)

В общем, одним дождливым вечером обе дамы принуждены, таки, были разделить со мною трапезу. Охлажденное Темпранильо не помогло: Галка несла большей частью какую-то вымученную ахинею, задавала гостье странные, несвязанные друг с другом вопросы, Карина отвечала невпопад, как студентка, решившая во что бы то ни стало провалить экзамен – при этом краснела, опускала глаза, теребила что-то у себя в тарелке – короче, нервничала совершенно неподобающим образом. Я, как мог, старался выровнять ситуацию – что-то рассказывал все время, старался рассмешить, произносил тосты – но это было как мертвому компрессу: два одинаковых полюса у магнита обречены отгаликаться – хоть бы и не имели явным образом между собой противоречий.

Примерно в том же духе все шло и дальше – каждый раз побуждая меня вспоминать двоюродную тетку по материнской линии, которая ютилась когда-то в однокомнатной квартире где-то на Гражданке, но при этом держала двух кошек. Там, значит, было так: одна из кошек обитала в комна-

те, вторая – на кухне. Коридор же был общим пространством и обе зверюги перемещались по нему вполне расслаблено. Но, так как кормила их тетка все же на кухне, то комнатная кошка, приходя к своему корытцу... в общем, точь-в-точь моя Карина в присутствии дочери... даже не знаю, как детальнее описать...

Ну и ладно. Не пошло так не пошло. Хотя и досадно, что уж скрывать. Я, во всяком случае, не считал это серьезно усложняющим жизнь обстоятельством – не знаю, правда, как на тот же счет решила Карина...

Пожалуй, ощутимо задетым я почувствовал себя лишь однажды, когда Галка, оказавшись со мной наедине, вдруг поведала исполненным искреннего удивления голосом:

– Знаешь, папка, похоже, эта твоя Карина... она, короче, того... все-таки, *ипанутая* какая-то... вот...

Я, само собой, встрепенулся, не сумев скрыть замешательства.

– Нет, ну правда! Захожу в комнату, где она... и вижу... стоит возле стола, высыпала все из сумочки и протирает каждую вещь спиртом... я по запаху определила... не одеколоном даже, а именно спиртом, медицинским спиртом!.. С собой носит... Ключи, пудреницу, косметичку, кошелек... я специально стояла, смотрела – она даже ухом не повела: знай себе, протирает это свое барахло и в сумочку обратно складывает аккуратно. Знаешь, вот как ребенок все равно со своими игрушками!..

Произносила все это она таким вкрадчивым, сбивающимся на шепот тембром – сама ну точь-в-точь ребенок, сообщающий другому ребенку о сделанном украдкой удивительном наблюдении из жизни взрослых... В общем, все это меня взбесило, конечно.

– Знаешь, дорогой мой котик... я ведь едва ли нуждаюсь... в твоём руководстве... при выборе себе подруг... вот, лет через сорок, да, когда я стану писаться в памперсы... тогда, конечно же, ты сможешь и должна... контролировать мои сомнительные контакты... чтоб не остаться без наследства...

Галка покраснела.

– Я не хотела ничего сказать... прости... но она действительно странная... вот согласись...

– Так с самого начала и надо было... формулировать... «мне кажется, что Карина несколько странновата»... тогда бы я тебе и слова не сказал... (Помаленьку беру себя в руки) да и вообще – какое тебе дело, чем именно протирает она свои пожитки?.. она же не претендует при этом на твой парфюм...

Вместо ответа Галка лезет ко мне обниматься.

– Ну прости, прости, папка... я не хотела тебя обидеть... если тебе она нравится – ну и здорово... лишь бы тебе было... хорошо...

Потом она уходит, а я остаюсь в изрядном недоумении – однако вовсе не Каринины повадки тому причина. И даже

не отношения с дочерью. Мне ведь и впрямь не понятно, что именно связывает меня с этой чужой, не слишком счастливой женщиной – почему она приходит ко мне, а я жду всякий раз ее прихода? Почему мне одиноко без нее, хотя и с ней одиноко тоже – не более и не менее, но как-то иначе, что ли, другим, не наскучившим сортом. Или жизнь – это и есть простое чередование разноцветных одиночеств, сходящее на нет лишь в финальном одиночестве могилы?

За протираанием содержимого сумочки сам я застал Карину несколько дней спустя: все было так, как и описывала моя ябеда. Запах спирта будто в медкабинете, разложенные на кровати вещицы – и полное погружение в это рутинное, медленное, бессмысленное занятие. Казалось, ничто не способно отвлечь ее: ни вскипевший чайник, ни падение метеорита по соседству.

Некоторое время я просто стоял и смотрел, затем все же решился нарушить питаемую алкогольным фимиамом идиллию.

– Скажи... а вот зачем ты все это?..

Карина молча закрыла сумочку, не спеша обернулась ко мне и, словно бы смерив взглядом, произнесла:

– Так надо... делаю, значит, так надо...

В голосе ее проступили нотки какой-то защитной назидательности. И даже легкий вызов, если хорошенько вслушаться.

– Так надо, вот и все.

– Но зачем же?.. Я ведь не думаю спорить, мне просто охота понять... но, конечно, если ты против...

Карина усмехнулась:

– Зачем вообще протирают вещи, а?.. Чтобы чистыми были, наверное... Чего тут непонятного?

– Но ведь... в сумке и так чисто... разве нет?..

В ответ она несколько раз кивнула с театральной нарочитостью – точь-в-точь настольный китайский болванчик.

– Конечно, чисто!.. А угадай, почему?.. А потому, что я протираю там все раз в неделю... регулярно... а иначе... было бы как везде... как везде в твоём доме – где уже в пору ручки дверные дезинфицировать... всюду грязь...

Кажется, она вошла в раж – и я уже знал, что надолго в этом её не хватит. Длительный скандал – штука серьёзная, требующая затрат, и девушке со столь коротким дыханием он просто не по плечу.

– ОК. Ты считаешь, что у меня грязно?.. что же ты никогда не пытаешься... здесь прибрать... к примеру... изменить что-то...

– Я не пытаюсь... да... но я и не должна этого делать... с чего бы... пусть твоя Зарима все тут чистит, ты ей деньги платишь...

– Так она и чистит... меня это вполне устраивает...

– А меня нет!.. Для меня все это – грязь!.. Пойми!.. Это – твой дом, а не мой, и не мне тут устанавливать порядки...

– Но ты ведь даже никогда... не говорила мне... что те-

бе...

– А смысл?.. какой смысл говорить тебе что-то?.. при существующем положении вещей... ты все равно не слышишь... ведь это твой дом... а не мой... у меня дома нет... и не было никогда... вот мой дом!

Она взяла с кровати сумочку и, держа обеими руками, протянула в мою сторону.

– Вот мой дом, другого нет! Смотри!

Щелкнув замочком, распахнула передо мной темные сумки внутренности.

Я лишь пожал плечами.

– Ну ладно, как знаешь... Кстати, существуют специальные чистящие салфетки вообще-то... недорогие... с приятным запахом... они тоже дезинфицируют, не хуже, чем спирт...

И, не дождавшись ответа, вышел из комнаты.

Вечер и весь следующий день Карина усердно виляла хвостом – как видно, стараясь загладить эту вспышку – даже пыль протерла во всех комнатах по собственному почину: облачилась в линялое трико, нашла где-то пластиковое ведерко, банку чистящего средства, (не только наличие, но и само существование которого оказалось для меня сюрпризом) и, изодрав на тряпки отслужившую свой век простыню, часа полтора сновала по квартире с обреченным лицом. Но пыль вытерла на славу. И даже дверные ручки из фальшивой бронзы отдраила до присущего им изначаль-

но глуховатого блеска.

Под откос все покатилося, наверное, к концу января. Как это и бывает обычно в ситуациях подобного рода, осознание происходящего возникло будто бы само собой, без внешнего толчка, но, однако, с ощутимым запаздыванием – когда точка невозврата уже маячила позади, в недостижимой дымке. Говорю об этом без тени стеснения – поскольку убежден, что сходным образом такое случается у всех. Или почти у всех.

Ну как подобное описать? Наверное, в виде неких песочных часов – гладкой спайки герметичных стеклянных рюмок, в которых пересыпается – из одной в другую, сквозь узкое горлышко коммуникации – бессчетный песок повседневных разговоров.

Достаточно вообразить, что в одной из рюмок нечто стоящее: новая информация, слова поддержки, какие-то трогательные душевные движения, сладко сжимающие сердце. Тогда как во второй – лишь мусор агрессивных эмоций: взаимные упреки, кружево жалоб на жизнь, повторяющихся и поблекших. То, что хочется вычеркнуть поскорее из воображаемого дневника.

Как говорил один прораб на земляных работах: суть дела – не в объемах, а в их соотношении. Когда второе – лишь приправа к первому, ты вполне способен с этим мириться. Когда же все наоборот – проблески сочувствия и живого ин-

тереса проступают во времени словно нечаянная радость – неизбежен этот момент печального удивления. «Как же так! Ведь еще совсем недавно все было иначе!..» Да, было иначе, это правда, но песок знай себе сыпался из рюмки А в рюмку Б... Сыпался и менял тем самым соотношение... Исползволь и неуклонно. Медленно и деловито...

Потом ты ловишь себя на желании сократить общение, как только можно. Становится стыдно – но лишь в самый первый момент, поскольку тут же на смену стыду приходит жалость – жалость к себе, разумеется, к кому же еще?

Все же, ты продолжаешь на что-то надеяться – при том, что песок все сыплется и сыплется, не переставая. «Но как же так! – говоришь ты себе, – ведь было же хорошо, а значит все вполне возможно по новой... стоит лишь набраться терпения, дожидаясь!» Однако это – самообман, и сохранивший трезвость край твоего ума знает в полной мере, что это – самообман и, не надеясь превозмочь общезначимую истерику, лишь молчит безропотно, выжидая. Черед его придет потом, несколько позже, когда обессиленное ложной надеждой сознание окончательно срастется со случившимся, осядет, словно остывший омлет, и, смирившись, породит уже новый спрос: сперва на доводы покоя, а вслед за этим – мало-помалу – даже и на новое какое-нибудь дерзновение, способное, чем черт ни шутит, заполнить эту сосущую пустоту. Или хотя бы ее заглушить.

Разумеется – здесь надо отдать справедливость – случает-

ся и по-другому тоже. Бывают резкие разрывы, когда сказанное слово вдруг блеснет лезвием бритвы, разом отделяя всевозможное *до* от любого *после*. И даже неважно, что стало причиной – я сейчас говорю лишь о форме перехода и только...

Да, бывает иначе, но не в тот раз, не в тот март, когда я, разомкнув однажды утром глаза, почувствовал, прежде иных ощущений наступившего дня, именно это – словно бы впечатавшиеся камнерезным гексаметром слова: «С Каринной все. Она больше не появится, не появится – да и не надо. Ничего здесь не жди, иди себе дальше, ты – свободен. Свободен, свободен, свободен, совсем свободен!» И вот этот нарождающийся привкус свободы – исполненный, как водится, нервным и горьковатым покалыванием всплывающих на поверхность газовых пузырьков беспокойства – стал мне путеводной нитью в те странные месяцы.

8. Маета весны

Теперь бы надо рассказать про ту весну, но я ей-богу теряюсь. Не знаю даже, как объяснить... все же сейчас попробую... короче, вот в детстве, помнится, нашел я как-то моток красивой медной трансформаторной проволоки – изрядное сокровище для тогдашнего тинэйджера-естествоиспытателя. Ну, нашел и нашел – как все равно крыловская ворона свой сыр – нашел, и вот, взгромоздясь на диван, принялся его распутывать – чтоб, значит, перевести проволоку уже на свои собственные, правильные катушки, пригодные для дальнейших экспериментов. Задача вовсе не была простой, однако, – поскольку из этой медной мочалки торчал не один, а штук шесть проволочных концов. Друг от друга они ничем не отличались, и, принявшись распутывать один из них, ты упускал другие, ровно в той же степени заслуживающие внимания. При этом ты знал, что лишь один из них или, максимум, два – действительно достойны усилий, так как позволят тебе размотать клубок до основания. Прочие же – лишь создают видимость, поскольку относятся к коротким, бессмысленным отрезкам, никак не оправдывающим время, потраченное на просовывания неповоротливого медного червяка в бесчисленные петли и узлы... Разумеется, я как-то справился тогда со всем этим – но вот то недоумение запомнилось тоже. Как некая модель жизненных перипетий, что ли.

В общем, было так. Дня через три после ухода Карины, проснувшись, на добрый час упреждая будильник, я ощутил себя в гнетущем состоянии дискомфорта. Что ж, не впервой, как говорится – и мозг, включившись в работу, исправно принялся перебирать привычный шаблон. Что-то болит? Нет. Предстоит неприятная встреча? Тоже вроде нет. Что же тогда? Ах, да – потеряшка. Что-то, еще совсем недавно бывшее частью твоего мира, теперь в нем отсутствует. Но ведь и это не годится в причины, не так ли? Было, да прошло, все уже позади... Откуда же тогда этот мандраж, это дурацкое сердцебиение, словно при первой влюбленности, но с обратным знаком? Выходит, что-то пугает тебя не на шутку, а прежде не пугало или же просто не замечалось, заслоненное другими событиями и впечатлениями. Так что же именно?

Я поднялся, накинул халат, по-стариковски шаркая, поплелся в ванную – хотел было принять душ, но почему-то передумал. Добро хоть зубы почистил, перед тем как идти завтракать... В общем, налил я себе кофе и стал сосать его без закуски, горькую думу думаячи. Ёкарный бабай, что ж тебе так паршиво-то, Игорь? Что ж ты не рад свалившейся на тебя свободе, заслуженной и необременительной? Что ж ты не скачешь весело, словно молодой барашек, выпущенный на весенний луг после месяцев заточения в тесной овчарне? Не того ты хотел, говоришь? Тогда – чего же?

А, правда, – чего? С работой и деньгами... но тут все тип-топ как будто – грех Бога гневить, как говорят старушки, тор-

гующие чахлыми цветочками у кладбищенских ворот. Не далее, как давеча созванивался с очередным клиентом – добродетельный Аденоид в этот раз постарался, сосватав вполне себе жирненького. Завтра поеду знакомиться, кивать головой, обсуждать размеры аванса и порядок его выплаты.

Да... но тут как раз стоит пояснить про Аденоида, почему такое имя забавное. Это кликуха, само собой. По-настоящему-то фамилия у него – Алипов, Костя Алипов, друг моего детства, живший в одной из пятиэтажек, на Орбели, и одноклассник по сто пятой английской школе, из которой он, впрочем, свалил куда-то после восьмого, чтобы двадцать лет спустя вынырнуть вновь на поверхность житейского моря, обзаведшись пивным животом и став большим человеком в мире консалтинга. Первое мне, понятно, до фонаря, а вот вторым обстоятельством я нет-нет да и пользуюсь... к собственной выгоде... Что? Кликуха откуда? Оттуда же... В сущности, обычный такой зигзаг детской ассоциативности: Алипов – Полипов – Аденоид, чего там. Хотя взрослых порой и удивляло...

Так вот, значит, этот Аденоид... но видите, я все время пытаюсь перескочить куда-то – а вы меня и не останавливаете почему-то... словно бы околдованные, не знаю... вот не надо, не надо так, стоит быть внимательнее, право!..

Стало быть, к черту сейчас Аденоида – вернемся в то милое утро. Кофе допит, а в голове по-прежнему – чистый паштет. Такой паштет от карликноса, нерукотворный. Одно хо-

рошо – еще недавно искрившая во всю мощь батарейка волнения выдохлась, растратив заряд, и лишь шипит теперь еле-слышно.

Ну ладно, к чему мы пришли-то в итоге? А ни к чему не пришли: по-прежнему тошно и не понять – почему тошно. Но вот тошно же, факт!

В прежние времена я при сходных настроениях вынимал себя на́ люди – и чем поспешнее, тем оно лучше складывалось. Встраивался в чью-то чужую игру, пропитывался не своими заботами и всяческим мусором фальшивых смыслов – и как-то все отступало... Особенно, если выпадет примазаться к удаче – тоже чужой, понятно, но, как всякая удача, по природе своей заразной: и вот уже кажется, что впереди – уйма всякого светлого и манящего. *Новые дивные дивы*, как писал стихотворец Бродский.

В общем, ничего не оставалось, как, сделав рожу пряником, напрашиваться на *общение* (боже, как ненавижу я это слово!) с кем-либо, кто готов для одного снизойти великодушно.

Но это – потом, сейчас же – утро рабочего дня, когда гостей не ждут и в гости не напрашиваются. Да и не звонят без нужды... Я отложил в сторону телефон, адресную книгу которого уже было начал ковырять, и, швырнув пустую чашку в раковину, потащился обратно в спальню. Все же надо принять душ, чего там – бегущая по телу вода... нет ничего приятнее, чтобы убить время...

Три следующих недели были прожиты мною словно бы в нескольких параллельных пространствах. Одним из них было – пространство работы. Вело оно себя, в общем, так, как подобает ему себя вести: в целом, предсказуемо и достаточно смирно. Я даже слегка увлекся – как это нередко со мной случается при попадании в новый, чужой корпоративный ад, где мельтешат в центрифуге каждодневных страстей всякие интересные человечки.

В прочее же время я парил над реальностью, аки тать ночной: дважды отчаянно надирался в баре давно вышедшей из моды текилой – не до рвоты, конечно, но с гарантированным завтрашним омерзением. Причем, один раз едва не словил в бубен – когда пытался что-то абстрактное объяснить случайной барышне. Ее кавалер (это я уже задним числом осознал) принялся было наматывать на кулак салфетку, но вдруг сообразил (вот умничка какая!), что для успокоения столь явно перебравшего мужика достаточно лишь взять его за плечи и вежливо усадить на стул – и в этом месте мне следовало бы восхититься нынешним смягчением нравов против лет моей молодости – но вот недосуг отчего-то...

Значит, обошлось без фонаря под глазом – да и вообще без сильных потрясений (опричь упомянутых выше). Даже, в общем-то, странно, коли вдуматься.

Впрочем, жажда нечаянного общения никуда не девалась во все это время. Не раз я принимался терзать телефон-

ную книгу, порой набирал какие-то номера и даже попробовал заводить разговоры со знакомцами средней отдаленности – из тех, о ком не слышишь годами, но при этом можешь позвонить и без особо страшного повода. Все, однако, было тщетно – завязавшиеся разговоры либо угасали вскоре сами собой, не породив последствий, либо напротив – обретали тягостную, мучительную колею, которую я и сам вождеделел покинуть при первой возможности. Когда подобное происходит дважды или трижды – вы едва замечаете собственную досаду. Когда пять раз – испытываете неприятное удивление. Если же все повторяется вновь и вновь – поневоле вселяется убеждение в собственной ущербности, этакое чувство изгоя, и вот уже на пороге стоит родная его сестра – агрессивная злость.

Короче, за все время мне лишь раз удалось выговориться – ведь именно этого я жаждал, не правда ли? – выговориться, разумеется, в женское ухо, не в мужское же! Выговориться, получив то, что хотел, но не то, что ожидал получить. Но обо всем по порядку...

Значит, была еще такая Ксения, вот. Познакомились где-то за год до того, не помню точно. Или, может, за полтора... Мишка Майзлес приехал из своей Америки на побывку – и собирал в каком-то кабаке всех разом, чтоб время не тратить. Вот там она и оказалась, причем, как выяснилось, с Мишкой до того не была знакома вовсе – кто-то из баб

привел ее с собой зачем-то, не знаю. Что? Ну в общем, да, – та же схема, что и потом с Кариной: уходили оттуда вместе, по пути разговорились, все такое. Затем дружно решили, что не допили, и потащились ко мне догоняться. Дома добавили, конечно, но не так чтобы сильно, больше для форсу. Вроде как собиралась остаться, но в какой-то момент вдруг ясно дала понять, что хочет домой и попросила проводить – благо жила недалеко, в начале Карбышева. Ну, что ж, проводить так проводить. По дороге узнал детали биографии: работает в кукольном театре, художником что ли, или костюмером. Хотя, какие еще костюмеры в кукольном театре? Ладно. Сама из Кустаная или вроде того, но в Питере уже давно, вышла сюда замуж, сыну восемнадцать. Стало быть, замужем, во как! Короче, ловить тут нечего – перевернем страницу и двинемся дальше...

Вроде бы все так, ловить нечего – но одна вещь меня при этом взаправду задела: то, как эта женщина слушала мои побасенки. Наверняка, вам знакомо подобное: собеседник изображает вроде бы напряженное внимание, – тогда как на самом деле слушает вовсе не вас... вернее, вас, но не ваши слова, отнюдь... а их музыку, как бы или что... ну, то есть, человек думает о вас что-то свое в это время, какие-то фантазии, я не знаю, предположения – думает и ждет, когда вы как-то их подтвердите. Или, может, опровергнете. Словами или даже просто интонацией. Но виду не показывает, нет, демонстрируя собранность – дескать, да, я здесь, здесь,

не думайте плохого, всюду вот участвую в беседе! И даже реплики вставляет иногда, не то чтобы совсем невпопад...

На том бы все и кончилось. Но меня та встреча все же несколько озадачила – именно что вот этим отсутствием внятного финала. Как бы неправильной заключительной нотой, не попавшей в тональность. То есть, выходит, меня не отвергли, но и не поощрили к дальнейшему. Внимательно выслушали, но ничего не ответили... Дней пять потом я мучился, в самом деле не зная, как поступить – и в итоге решил, что никак поступать не стану – оставив, однако, за собой право следующего выстрела, коли представится на то подходящий случай.

И вот случай вроде бы представился – не без труда отыскав в телефоне нужный номер – там все у меня записаны, преимущественно, по фамилиям, каковую я у Ксении едва припомнил, точнее, сперва вычислил, исключая заведомо неподходящие варианты, а уже потом нащупал в себе некий отзвук шального воспоминания – так вот, отыскав и набрав его, я услышал в ответ слегка удивленный, но все же настроенный на продолжение коммуникации голос. Во всяком случае, меня узнали, и сам факт утреннего звонка после годовой паузы не был сочтен заведомо невежливым. Уже неплохо.

Не помню, что я наплел в дебюте, но в общем договорились встретиться в тот же день. На Петроградке, после ее работы. Где именно? Да все равно. Могу к метро подойти. Я в три освобождаюсь, у нас утренняя. Да, хорошо, у метро.

Или рядом. Там дальше такой памятник в сквере. Это Попов. Что? Ну, Попов, памятник Попову. Тот, который радио. А! Ну хорошо, давай там. У памятника этому радио. Так когда точно? Ну в три пятнадцать, годится? Ну я, может, опоздаю минут на десять, но да, хорошо.

Надо сказать, что Ксения оказалась хозяйкой своего слова. Пришла, как договаривались, практически вовремя – в три сорок восемь. Гнусное получасье я провел, утаптывая лужи в ногах полумифического соперника Маркони и завидуя его бронзовой всепогодной невозмутимости: ужо ему, чудотворцу!..

Все-таки странная это штука – начало апреля в наших широтах. Сезон всеобщей и полной неприкаянности, приходящий всякий раз на смену самому русскому из времен года – ранней весне, когда лишь только принимается таять снег, но состав воздуха уже изменился необратимо и всем понятно, что тяжелая, опостылевшая зима позади, а стало быть, дальше станет только лучше. Станет лучше и будет, будет настоящая весна, а за ней – неизбежное лето, когда жить легко и можно, наконец, осуществить задуманное, сделать важные дела, а вместе с тем и отдохнуть. Но это все – потом, потом, не сейчас, слава богу, когда счетчик еще не запущен и нет нужды что-то срочно предпринимать, спешить куда-то, но можно вместо этого предаваться мечтаниям столь же свободным, сколь свободно тело в по-летнему легкой, не сковывающей движения одежде.

Но такое – в марте, или даже в конце февраля. К апрелю же все переменяется – и талая грязь, проникая куда только можно, оттесняет глубоко на задний план и необязывающие намерения, и давешние мечты, от которых ты, стыдно сказать, порядком уже и устал. Воистину, наступает межсезонье – выходя на улицу, всякий раз убеждаешься, что оделся не по погоде, путь от двери до машины достаточен, чтобы испачкать ботинки, а саму машину лучше и не мыть без особого повода – дабы не выделяться на дороге столь разительно...

Но вернемся к нашему горю – то бишь, к подножию медного педестранца, чей безразличный взор, брошенный через проспект, силится различить где-то там, в скрытом серой штриховкой кустарника далеке, столь же бронзового Тараса Шевченку. («Русский есть русский, хохол есть хохол – и вместе им не сойтись».)

И вот, едва воображаемые часы на воображаемой башне встали в чуть опрокинутый вправо шпагат, девушка Ксения вторглась в поле моего зрения, обгоняя прохожих по пути от метро и по-подростковому торопливо лавируя между лужами. Все же она старалась прийти вовремя. Старалась как могла.

С Ксенией мы были ровесниками, однако она, по всему, сохранилась лучше – что и справедливо, и в той же степени закономерно, ибо я-то за собой не слежу никак, тогда как она (год назад) занималась дважды в неделю волейболом, ходи-

ла в бассейн и еще куда-то там – и вся эта суета, чтоб только радовать мужа. Радовать мужа девичьей талией и стройными ногами – которые он за двадцать лет совместной жизни наверняка и замечать-то разучился. Зато, небось, мечтает о том, что ему не дано: о сиськах иного, чем у жены, фасона, о широкой, вальяжной заднице, или еще о чем-то, столь же интимном и дурацком – мечтает долго и бесплодно, до спазмов в промежности (если, конечно, не наладился ходить налево)...

Но здесь я был вынужден прервать эти душеспасительные размышления – Ксения наконец меня заметила и свернула с тротуара на хлипкую парковую дорожку. Через полминуты мы уже здоровались.

Уработалась? Ну, так, как бы да. Ничего не делала на самом деле. Просто надо сидеть, пока спектакль. Чай пила одна, поговорить даже не с кем, все заняты. Но все равно усташь почему-то. Даже от такого безделья.

Она наконец-то перевела дух.

А у тебя как? Да так... Ничего, в общем. Пустой день. Как понять, пустой день? Ну, пустой и все. В смысле свободен полностью, ни дел, ни встреч. Совсем пустой. Везучка! Что? Везучка, говорю. Выспался, это уже немало. Ну выспался, да. Пойдем, что ли? Ага. А куда? А не знаю, пойдем отсюда. Или ты хочешь здесь стоять? Не, не хочу. Пойдем, хорошо...

Стараясь поскорее проскочить эти садово-парковые топи, мы выбрались к Карповке, едва не попали под весело высо-

чивший из-за поворота трамвай и вот уже стоим, облокотясь на ограждение, глядим вниз.

Льда уже нет, но вода зелена и непрозрачна, как танковая броня. К закованным в гранит берегам пристала в изобилии накопившаяся за зиму грязь: мятые пластиковые бутылки, куски чего-то еще, не вполне различного, какая-то мутная застывшая пена...

– Люблю здесь стоять...

Ксения не спеша закуривает тонкую сигаретку.

– Когда Витька был маленьким... (Стряхивает пепел.) Летом специально приезжали сюда на сороковом... в Ботанический сад... потом стояли вот так где-нибудь и кормили уточек хлебом... их тут всегда было до черта...

Начинаем искать уток. Толпившиеся всю зиму вокруг какой-нибудь незамерзающей полыньи канализационного выпуска, они теперь рассеялись куда-то по свободной воде. Все же нам удастся обнаружить одну, сиротливо нарезавшую круги возле Петропавловского моста, а затем еще одну, выплывшую не пойми откуда, совсем рядом с нами, можно сказать – из-под ног.

– А здесь вообще глубоко?

Я пожимаю плечами:

– Думаю, нет. Летом даже водоросли видны. И рыбы.

– Рыбы?..

– Ну, да. Рыбы какие-то. Тут есть рыбы. Шныряют среди этого говна. Кто-то их ловит даже на удочку – котов тра-

вить...

– Бедные коты!..

– Угу. Вроде как – самая грязная речка в Питере... где-то писали, кажется... сливается все, что не попадя... бани там разные...

Ксения кивает понимающе.

– Да. Но все равно – красиво, правда ведь? Опять же, вода, она всегда завораживает. Набережная вон как изгибается эротично... где еще такое?..

Теперь охотно киваю и я.

– Будь я постарше на несколько лет... родился бы как раз где-то в этих краях... родители жили здесь в коммуналке, пока кооператив не изловчились сделать... мать когда-то рассказывала... на Большом, вроде... или, может, на Левашовском... точно уже не помню...

Девушка отрывает взгляд от водной глади и, обернувшись ко мне, смотрит с неожиданным любопытством:

– Правда? А мы здесь тоже жили недалеко... комнату снимали поначалу... вдвоем еще...

– Земляки, выходит... в каком-то непрямом смысле...

Усмехнулась.

– Ага, земляки. Та квартира, конечно, была ужасная... я, помню, еще думала тогда: если не съедем отсюда по-быстро-му – рано или поздно будет убийство... либо свидетелями станем, либо жертвами... Но зато вот район этот полюбила... уж точно больше нравится, чем наши выселки... хотя у нас

конечно зеленее... но здесь все-таки город!..

Сигаретка, вернее ее останки, по всегдашней квадратичной параболе метким щелчком отправляются в Карповку.

– Знаешь, что это за дом?

– Который? Серый вот этот? – я гляжу на тот берег, где возвышается прихотливая конструктивистская громадина.

– Ну да, этот, с галереей и папертью... там Татьяна Толстая жила в детстве... я в ее интервью читала...

– Которая в телевизоре?

– Ну да. Но она писательница вообще-то...

– Что-то помню смутное... она правнучка Алексея Толстого...

– Внучка, ага. – Ксения вновь кивает, – А вообще этот дом для Кирова строили... да только он не дожил...

– Не дотянул, упыреныш, да... – я чуть качаю головой, – Твой Витька, небось, и не знает, кто такой был этот Киров...

– Ха, знает, чего уж (Ксения коротко рассмеялась) наверняка ведь скажет, что Киров – это город...

Теперь смеемся вместе.

– Оно и к лучшему, в общем.

Я поворачиваюсь к реке спиной, гляжу какое-то время на пестрый человеческий поток, недружно семенящий к метро.

– Двинемся дальше?

Я киваю. Идем по направлению к Каменноостровскому, переходим в неполюженном месте проспект и затем продол-

жаем свой путь вдоль чугунных перил набережной.

– Что же ты замолчал? Гони экскурсию...

– А разве не ты – экскурсовод?

– Нет, нет, конечно же, не я! – Ксения отчаянно машет головой, – я здесь так... приезжая... практически, таджикский гастарбайтер... а вот ты, наоборот, как уроженец здешних мест... должен все знать...

– Что же я должен знать?

– Ну, все.

– Ну, например?

– Например? – Она глядит по сторонам, – Например... ну, например, вот что это за дом вон тот большой дурацкий... на той стороне?..

– Что ж, это можно...

Я согласно киваю, делаю руками жест, словно бы надеваю воображаемые очки с двумя дужками, затем нарочито, профессорски, прокашливаюсь.

– Стало быть, это давняя и очень печальная история... да-да... просто нет слов, какая печальная история... когда-то, в незапамятные времена, когда здесь еще ходил двадцать первый трамвай... ты, кстати, прочувствовала, как это давно?.. Гребенщиков, конечно, уже пел всюю, но интернетом еще люди пользоваться, представь, не умели... все делали дедовским способом, глупые... и про Гугл почти никто не знал... даже сам Сергей Брин, наверное... так вот, в те седые времена... наняли, значит, каких-то югославо-

построить тут гостиницу для иностранных туристов... которых, кстати говоря, в то время так и звали – ин-туристы... потому как аут-туристов тогда почти и не было: за границу никого не выпускали, даже на вшивые Мальдивы какие-нибудь заваливающие...

– Это я знаю... насчет Мальдив – это правильно было, говным-говно они... но не отвлекайся... про дом расска...

– ...ты только не перебивай, бога ради. Значит, про дом. И вот нашли большое поле... короче, снесли целый квартал старинной застройки... и начали возводить вот эту бездарную лабуду... но тут наступили дни перемен, хитрый охотник... короче, кончились деньги и все встало... потом деньги как-то нашлись, но кончились югославы... вернее – Югославия... и все опять встало... потом стройплощадку приватизировали, и досталась она какому-то банку... года через четыре банк о ней вспомнил и решил достроить – наняли на этот раз турок... Турки вроде бы почти достроили – где-то даже интерьеры в номерах на стадии отделки, а где-то и занавесочки на окнах и койки застелены...

– И?..

– Вот тебе и и... Значит, дело к завершению, вдруг бац: разорились наши турки-то! и начали с банком судиться, судиться – аж дым коромыслом, так крепко судятся! Ну судились, значит, и до чего-то не то досудились, не то просто умерли все – короче, настала тишина в конце концов. И с тех пор, в общем-то, все так и стоит без движения... только де-

ревья растут на крыше – вон видишь, сейчас голые, но летом позеленеют обязательно... их сверху птички удобряют... лет через семьдесят здесь будет город-сад...

– И что: никак нельзя достроить?

– Не-а... мне строители рассказывали – проще все снести и строить заново что-нибудь более подходящее... там буд-то бы так: если лет пять такое чудо простоит без отопления – то все, уже небезопасно, все проржавело и может рухнуть в любой момент... а может и не рухнуть – никто не знает заранее... да и кому сейчас нужна гостиница по советскому проекту восьмидесятых годов?

Вскинув брови, Ксения кивает одобритительно.

– Понятно все с этим...

Затем вдруг оборачивается ко мне и теперь глядит прямо в глаза, чуть склонив голову набок:

– Так ты о чем хотел поговорить-то? Я, если честно, не поняла ни черта... утром по телефону как-то очень эмоционально... но туманно... чем я могу тебя спасти?

– Спасти?..

– Ну ты же сам тогда сказал это слово... «спасти»... «надо встретиться, чтоб ты меня спасла»... вот встретились... начинаю спасать... скажи только, от чего...

Славная, спокойная, взрослая женщина. Как же мне тебя не хватало последние месяцы!

– Видишь ли... (Я правда, не понимаю, с чего начать.) Со мной что-то такое... неладное... В общем, знаешь, что –

пожалуйста, протяни ко мне руку... вот, так... а теперь потрогай сюда... да, прямо в куртку... сильнее... ага...

– И что?

– Ну вот что там, а? Как тебе кажется?

– Как – что?.. Там – ты... грудная клетка... не знаю...

– Отлично!

– Что отлично?

– То, что я есть и занимаю объем.

– Да. И немалый. А, что были сомнения?

– Ну, да. Такое чувство... словно бы меня уже и нет... как бы умер... и только дух, освобожденный от телесных пут, с усталым любопытством глядит на все и даже ходит порой на работу...

– А! Ясно! Это «потеря себя» называется, милый дружок. Обыкновенная вещь, чего там. Со всяким случается, не тужишься... считай, нормально для твоего возраста...

– Да я ж и не претендую... Просто, это... как бы сказать...

– ...паршиво, да?

– Угу. Паршиво. Но уже стало лучше: раз ты говоришь, что я не привидение... уже начала спасать...

– Вот и прекрасно. Рассказывай теперь, что стряслось...

...

И я стал рассказывать, как мог: про Карину со всеми ее закидонами, про осточертевшую работу, которая раз от разу повторяет одно и то же, многократно виденное уже и во всех смыслах пережитое; повторяет, заставляя чувствовать себя

собачкой Павлова в лучшем случае, но чаще – автоматом по продаже чего-то наподобие железнодорожных билетов. Про личный круг общения, который как бы есть, но как бы и отсутствует в то же самое время – и уж точно не шлохнется ни на сантиметр, коли я вдруг склею лапы или отбуду на Марс. Про Галку, которую я не понимаю с каждым днем все больше и больше. Про мое неумение, коли на то пошло, воспользовавшись сложившимся одиночеством, выстроить, наконец, свой быт так, как хочется именно мне... про женщину, которую любил когда-то давным-давно и с которой расстались тогда же по обоюдной глупости, и чей домашний адрес вдруг нашелся в американском директории White Pages, куда заглянул, движимый каким-то диковинным, необъяснимым любопытством... и как глядел потом полчаса на этот адрес, словно баран на вошь – даже не пытаюсь ничего вообразить, но лишь сдерживая внутренние слезы...

Я все рассказывал и рассказывал, пока мы медленно шли вдоль этой дурацкой Карповки так, словно бы сама вода не отпускала нас, волшебным способом вовлекая в собственное неспешное движение. И лишь упершись лбами в ограничивающий набережную бетонный забор ровно напротив Иоанновского монастыря, свернули от реки прочь, а после задворками какой-то чудной улицы, изогнутой в букву «г» и протискивающейся затем под арку обшарпанного кон-

структивистского здания – выбрались на Малый проспект.

Кажется, к этому времени запал мой изрядно поостыл – а вместе с ним остыло и желание месить эту апрельскую слякоть. Короче, захотелось забуриться куда-то, где тепло и кормят – при том, что моя спутница, похоже, вполне разделяла подобные устремления. В общем, решили – сделали. Зашли в ресторанчик на Ординарной, практически на углу с Большим, сели у окна, и принялись, в ожидании официанта, медитировать, наблюдая за броуновским движением питомцев близлежащего детского садика, уже выведенных на свежий воздух ради вечерней раздачи родителям.

Как ты, съешь чего-нибудь? А? Ну, так, разве что салатик какой-то. У них тут есть салатика? Я думаю да, конечно, есть салатика, ну а серьезнее если что? Нет, не хочу. Почему? Ну не хочу. А зря, тут вкусно. Я знаю, что вкусно, но не хочу просто. А ты? Ну тогда и я тоже салатик. Из солидарности. А выпить? Да. Что – да? Да, выпить. Да. Я понимаю, что да – но что именно да? Ну все равно, как ты, ну, может, вина какого-нибудь. Хорошо. Какого тебе вина? А тебе? Мне – никакого, я за рулем. Ну, хорошо, тогда мне – розового, тут есть розовое? Да, вот, гляди, написано Rose d'Angou 2010 года... Это хорошо? Думаю, да, нормально. Ну закажи мне бокал.

Потом халдей принес нам эти большущие тарелки с «цезарем» и бокал – Ксении. Завороженный, я смотрел, как она пробует вино: так взрослые женщины целуют впервые нового мужчину – с жадностью, но, вместе с тем, опасно, очень

серьезно.

– Нравится?

– Ну, так. Ничего. Нравится, да. Сладенькое такое...

– Должны быть цветочные тона.

– Где именно?

– Везде. Во вкусе и аромате... Ты покрути его в бокале вот так и потом нос туда сунь.

Я показываю кулаком, как крутят вино в бокале.

– Вот так?

– Примерно, да. Теперь нос туда опускай. Еще, еще, не стесняйся. Да, глубже.

Ксения послушно погружает нос в бокал, старательно дышит там некоторое время, затем выныривает и несколько недоуменно ставит бокал на стол.

– И что теперь?

– Ничего. Ощутила цветочные нотки?

– Не знаю. Кажется. Еще малину напомнило.

Ксения пожимает плечами.

– А так надо вот каждый раз обсуждать?

Теперь пожимаю плечами я.

– Ну так... чем не тема... надо же о чем-то разговаривать за столом...

Вознаградив меня улыбкой, Ксения принимаетсяковырять салат.

– Нет, вполне вкусно, чего там. Спасибо тебе... хорошее место...

– Может, все-таки... заказать еще чего-нибудь? Более основательного?

– Нет, не надо. Не надо, правда. Мне достаточно. Я днем вообще мало ем.

Какое-то время клюем молча салаты, каждый – свой.

– Послушай... – я подымаю голову, и, проглотив куриный кусочек, вытираю губы салфеткой, – Послушай... ну вот я тебе пел, пел, значит... про то как все у меня... вверх ногами... А давай теперь наоборот, ты вот мне расскажи... про тебя... то есть, вот, как правильно все должно быть, на самом деле, и чинно... иначе, чем у меня... короче.. как надо жить, чтоб стать счастливым...

...Мне показалось, что Ксения поперхнулась – но нет, это она так хмыкнула с остатками салата во рту. Затем положила вилку и, воткнув в поверхность стола острые локти, соединила пальцы в замок.

– Ты правда считаешь, что у меня все в ажуре?

– Не знаю. А разве нет? Семья, муж, интересная работа, взрослый сын...

– Ну, хорошо. Семья... значит, тут так... Володя три года назад... даже нет, уже четыре... да, почти четыре года, как началось... Короче, он заболел. И лечился в стационаре. Психиатрическом. Потом его выписали оттуда...

– Восстановился?..

– Нет.

– И как он?

– Никак. Живет такой растительной жизнью, ничто его не волнует, ничего ему не надо. Ни дом, ни жена, ни сын. Весь в себе. Почти не разговаривает ни с кем. Ну, Витька-то теперь от нас отдельно, бог с ним... а я...

– Работает?

– Очень мало. Правда, и не тратит ничего особенно. Ест чуть-чуть, глотает что ни попадя. Курит, правда, много.

– Ну, хорошо, но как же... вот ты приходишь домой...

– Ему плевать, где я и когда приду домой... нарочно задерживалась до трех ночи, не предупреждая – никакой реакции...

– Ну вы хоть спите вместе?

Мотает головой.

– Уже два года ничего не было. Ему просто не интересно.

– Может, не способен? Или просто думает, что неспособен и боится в этом удостовериться?

– Нет.

– А что же?

– Просто ему не надо.

– А ты?

– А я его люблю.

– Но тебе-то надо ведь?

– Надо, очень надо. Вот я и мыкаюсь, как тогда у тебя. Мужчины это считают, конечно, на раз и пытаются... А я их динамлю... И чувствую себя потом... дурой и мерзавкой...

Цепляю вилкой последние кусочки, запиваю минералкой – больше ничего не будет.

– И что, ничего нельзя сделать?

Вновь мотает головой.

– Ну ты узнавала? Психологи, там... разные волшебники...

– Бесполезно. Даже к экстрасенсорше его мать обращалась...

– Ч-черт...

– Вот так. Счастливая семейная жизнь. Хрен бы ее побрал.

Ксения улыбается печальной, усталой улыбкой.

– И уйти нельзя никак. И остаться тоже сил уже нету.

Автомобиль я бросил рядом с ДК Ленсовета, мы скоро дошли до него, по пути почти не разговаривая – благо, начал моросить дождик, такой, знаете, обыкновенный для питерского межсезонья, будто сам Господь ссыт тебе на голову, не глядя... а ты и не обижаешься...

В машине я включил музыку и большую часть пути мы продолжали молчать – и только проехав Кушелевку, я, наконец, переварил тот словесный гарнир, что давеча прилагался к салату «цезарь»:

– Поедем ко мне?

Покачала головой, но тут же, решив, что я занят дорогой, повторила и в голос:

– Нет.

– Почему?

– Я же тебе рассказывала... там, в кафе... я не делаю этого... так решила... ну, прости меня, хорошо?..

Потом, свернув к ней во двор и припарковавшись возле зеленых помойных баков, я отщелкнул ремень безопасности и, повернувшись к девушке, нащупал в темноте обе ее ладони.

– Поехали, а?

Слегка потянул ее на себя, затем перехватил за плечи и миг спустя уже искал губами ее ускользящие губы.

...Все же в этом она смогла увернуться – не препятствуя, однако, моим объятиям. Еще секунда, другая – и, окончательно уклонившись от поцелуя, она, наконец, замерла, прижавшись щекою к моей щеке – даже позволила расстегнуть на куртке молнию. И вот моя рука завязла в шерстяной необъятности свитера, ощутив, как где-то там, внутри, под пятисантиметровым текстильным слоем, грудь замерла в привычном женском оцепенении ожидания. Я услышал ее дыхание, спокойное и взволнованное одновременно, предательски-бесстыжее, но не про мою честь. Прошла минута или три, или пять.

– Ладно. Мне пора уже идти, хорошо? – В ее голосе слышалась скребущая хлебная крошка, – Спасибо тебе за вечер... и прости... мне самой все это очень трудно дается...

– Тебе спасибо огромное... правда, спасла, кроме шу-

ток...

Улыбнулась на прощание.

Хлопнула дверь...

Конечно, прояви я большую настойчивость... а так – как всегда... а, впрочем, черт с ней, и не жаль ничуть, чего уж там – девять к одному, плохо бы стало потом. Обоим. Тут уж – к бабке не ходи. К экстрасенсорше.

Наверное, дней через десять после этой встречи я приперся к Аденоиду в офис отчитаться о проделанной работе. Две скучающие красивые девки на ресепшене, отставив в сторону одинаковые чашки со свисающими на бок одинаковыми крылышками чайных пакетиков, долго колдовали в своих компьютерах, ища там мою фамилию. Затем, убедившись в ее отсутствии (о чем я и сам их предупредил), принялись набирать ее заново, сверяясь с водительскими правами. Точнее, набирала – одна, вторая же через плечо наблюдала, как та стучит по клавиатуре бледными длинными и какими-то донельзя томными пальчиками... чертовски сложные две буквы...

Наконец, они закончили изгаляться и, выдав мне карточку разового пропуска, сопроводили сие действие предписанным инструкцией напутствием: «Пятый этаж, там против лифта большая надпись „Яндекс“, а вам – направо почти до конца». Я, впрочем, едва их дослушал.

...Хромированные лифтовые кабины, снующие вверх-вниз в своих стеклянных шахтах вдоль стеклянной же стены бизнес-центра, всегда напоминали мне противовесы каких-то гигантских часов, призванных талдычить офисным работникам по несколько раз на день о переменчивости бытия, а заодно и об их собственной несомасштабности нынеш-

нему цветению хайтека. То, что так стремительно возносило их крошечные невесомые тела, столь же быстро и опускало к исходному уровню. Чем не метафора? А ведь можно было с легкостью ее и развить, благо там, за стеклянной стеной, по другую сторону проспекта, красовался котлован необъятных размеров и неведомого назначения, по которому из месяца в месяц ползала пара ленивых бульдозеров – и только. Ну, а третьим компонентом экзистенциального набора, счастливо дополняющим судьбу и могилу, обязана была бы стать инсигния разврата – и таковая не замедлила явить себя в форме дразнящей рекламы местного японского ресторана, взятой в алюминиевую рамочку и закрепленной четырьмя блестящими саморезами рядом с правилами поведения в лифте – стык в стык. Вот вам и жизнь как она есть – поразмышляйте над этим, пока я поднимаюсь на пятый этаж, выхожу из лифта, и, увидав предсказанный логотип Яндекса (фигурный пластиковый короб без подсветки), сворачиваю направо по коридору. В прошлое мое посещение месяцев восемь назад, офис Аденоида располагался этажом ниже – откуда его выдавил тот самый Яндекс, все распухающий и распухающий на зависть св. Гуглу. Впрочем, что-то подсказывало мне, что и с пятого этажа Аденоида тоже попросят – недаром же здесь этот логотип полутораметрового размера – коли уж столбят территорию, то значит имеют виды... Хотя меня, конечно же, едва ли касаются здешние передраги...

Все эти досужие мысли, однако, исчезли как прошлогод-

ний смех, едва я переступил порог Аденоидовых арендованных владений. *Разделение пространств* здесь было отработано четко – в полном, кажется, согласии с соответствующими мануалами и декларациями. Вы открываете дверь, делаете шаг вперед, и минималистский дизайн современного бизнес-центра словно бы изглаживается начисто из вашей зрительной памяти. Вы попадаете совсем в иную среду – с фигуративной живописью, украшающей стены, с какими-то фаянсовыми вазами (пластиковый Китай под Китай настоящий) в углах, со старинного фасона мебелью – короче, с претензией на показную винтажность. Аденоид считал, что подобное помогает настроить контрагентов должным образом – дескать, войдя со своими корпоративными проблемами в сию храмину консалтинга, они встречают специалиста, словно бы живущего в ином, высшем мире, где никаких корпоративных проблем нету и быть не может. Работало ли все это именно так, я, говоря по правде, не знаю – Аденоиду, мне кажется, просто нравились эти вещицы в старинном стиле. Вот и возил он их за собой – из одного арендованного офиса в другой, а оттуда – в третий.

Как бы то ни было, этот его офис встречал вас приемной, где имелись диван и три стола, за одним из которых восседала секретарша Леночка. Два других резервировали дополнительные рабочие места – иногда их занимал приглашенный бухгалтер с помощником, иногда еще кто-то, но чаще всего они пустовали. Дальше дверь вела в кабинет Аденои-

да – казавшийся необычайно просторным в сравнении с тесноватой приемной. Здесь стояли эти самые псевдостаринные (подражание эпохе модерна, рубеж XIX—XX веков) тяжелые кресла, огромный письменный стол со столешницей зеленого бархата, два шкафа и даже башенка маятниковых часов в углу. Если б не стеклянная стена за столом, лишь снизу на метр-полтора задекорированная комнатными растениями в кадках и невысокий потолок с люминесцентными лампами, можно было бы и в самом деле вообразить себя, пусть и ненадолго, в кабинете управляющего каким-нибудь Волжско-Камским банком, образца 1909 года. Впрочем, сидеть в винтажных креслах и впрямь было приятно – и этот буквально ощущаемый задницей позитив, кажется, воздействовал много сильнее всяческих антикварных напоминаний.

...Подождать пришлось, но немного: минут десять или около того я зазря попирал кожу гостевого дивана, разглядывая попеременно то Леночкины ломкие запястья, маняще выступавшие из рукавов серого офисного пиджачка, то ленивых цихлозом в плоском аквариуме у стены, бессмысленно поведивших веерами плавников и лишь изредка удостоивавших меня презрительно-недвижными взглядами пуговичных своих глаз – такими пассажиры теплого туристического автобуса смотрят обычно на мокнущих по дождем пешеходов.

Наконец дверь в кабинет Аденоида приоткрылась, оттуда

выскользнул посетитель – низкорослый мужик с матовой рельефной лысиной, взятой в кольцо длинных, почти до плеч, седеющих волос. Вслед за ним показался и сам хозяин – прощаясь, они величаво пожали друг другу руки, после чего посетитель вдруг рванул прочь, всколыхнув на миг свои неаккуратные космы.

Проводив мужика каким-то донельзя задумчивым взглядом, Аденоид повернулся ко мне и, слегка наморщив лоб, покачал головой так, словно бы я сам стал свидетелем или даже участником их непростого разговора.

– Пойдем?

Я молча поднялся. Аденоид пропустил меня в кабинет, указав на одно из тех винтажных кресел, затем, стоя в дверях, окинул рассеянным взглядом приемную и в конце концов предсказуемо уперся глазами в секретаршу, замершую, выжидательно подняв подбородок:

– Леночка... ты вот что... сделай нам чаю с лимоном, пожалуйста... Или ты хочешь кофе? (на миг поворачивается ко мне) Хорошо... Леночка, сделай Игорю Валентиновичу кофе, а мне – чай... да, и там печеньки какие-нибудь... есть у нас?.. ну вот и хорошо, вафли так вафли, неважно...

– Коньяку не предлагаю, извини: и ты – за рулем, и я – за рулем... Ладно, давай к нашим баранам... так что там у тебя?.. – прикрыв дверь, Аденоид повалился в кресло напротив, сел и, упокоив пузо, вытянул ноги. Предыдущий посети-

тель, кажется, его действительно измотал. На разделявший нас теперь журнальный столик с толстой стеклянной столешницей я начинаю вываливать свои бумаги, авторучку, еще что-то, не вполне относящееся к делу...

– Давай рассказывай, рассказывай, не томи. Сдвинулось у тебя хоть что-нибудь... с этим их чертовым проектным отделом?.. там еще начальник с чудной фамилией... как его... Охонько... странноватый, мне показалось...

– Да, Яков Охонько... пустой такой балабон...

– Во, точно!.. Яков, да... забыл имя... (Аденоид как бы против воли улыбается) Яков Охонько... странное сочетание, если вдуматься...

Я киваю согласно.

– Знаешь, раньше я придерживался... такого убеждения... что имена никогда не врут... Ну то есть если человека зовут необычно – то он и будет необычен... а если глупо – то так и окажется...

– И как?..

– Подтверждалось, подтверждалось, как правило... да... и это удивительно... я даже с некоторых пор игру себе придумал: встречаю, скажем, имя диковинное – и тут же пытаюсь загадать... как он должен себя повести... человек этот... а после сравнивал на досуге...

– Совпадало?

– Еще как!.. – Аденоид слегка оживляется, но все еще словно бы через силу, – Прямо до оторопи в кишечнике. Че-

ловек – раб своего имени... ну да ладно, давай рассказывай, что же там этот Яков Охонько?..

Я пожимаю плечами:

– Ну, такой, знаешь, затейник, резонер... он там вроде как украшение... подчиненные его, конечно, обожают... но не ставят ни в грош... понимают, что пока он у руля – для них будет лафа безграничная... в общем, надо его менять, конечно... поганой метлой... я так считаю, во всяком случае...

– Ага, ага... Уже становится интересно... А он ничей там случаем не племянничек?.. Такие очень часто оказываются...

– ...да вроде нет. Я тоже сперва подумал... и постарался навести справки... остороженько так... нет, вроде ничего, никаких намеков не просматривается...

– Во-во! – Аденоид энергично кивает, – тут, знаешь, важно чтобы аккуратно все... не напортачить... в таком деле... нет ничего хуже, чем с кадровыми рекомендациями нечаянно наступить на залупу... тому, кто дает нам заказ, как на зло... руке кормящей...

– Я все понимаю, Костя...

– Да я понимаю, что ты понимаешь... Ха-ха-ха...

Пожимаю плечами.

– Нет, ну а как ты хочешь... я что?.. мое дело маленькое – написать отчет... как все есть на самом деле... а уж разная там политика... это – прости... это по твоей части...

– Да, да, не переживай (Аденоид слегка наморщил лоб). Нет проблем.

Он на миг задумался о чем-то, затем резко рывком вернул себя в разговор.

– Ну хорошо, хорошо... рассказывай дальше... так удалось тебе уже что-нибудь замутить... в этом самом... проектом отделе?

Я беру в руки свой рабочий блокнот, перелистываю несколько страниц и, найдя то, что искал, разглаживаю бумажный лист ребром ладони.

– Если честно...

Делаю глубокий вдох, но тут откуда ни возьмись появляется Леночка с подносом о две чашки и сахарницей. Какое-то время уходит на обретение всем этим добром подходящего места на журнальном столике (я попутно едва не замарал свои бумаги), затем Аденоид долго и старательно размешивает в своей чашке кубик рафинада, закончив – отодвигает чай в сторону, так его и не пригубив, и лишь после этого подымает вновь на меня глаза.

– Извини, нас прервали...

– Так вот, – я киваю головой, – значит, проектный отдел... ну такой – проектный и проектный... как всегда... люди, заточенные на героическое пожаротушение любой ценой... понятно, что полный хаос и всем это нравится...

– Сколько там?..

– Восемь. Восемь руководителей проектов. Включая этого

самого Якова.

Аденоид кивает.

– С бумаг начал?

– Да, как всегда. От простого к сложному, так сказать...

Сперва полтора часа рассказывал этому Якову о пользе ведения рабочих журналов...

– Внял?

– Еще как! Буквально с двух слов пришел в какую-то невысказанную ажитацию... словно бы я ему восьмеричный путь спасения открыл, не меньше... уж не знаю, что он тогда себе навоображал – а только я сразу почувствовал, что дело тут дрянь. Интуицию не пропьешь...

– Гуд... – Аденоид не перестает кивать головой, словно китайская фарфоровая кукла, – Не пропьешь. А дальше?

– Потом объявили все сотрудникам. Сперва выступил он – путано и эмоционально – потом я. Сказал им, что если кто боится неадекватной реакции начальства на фиксацию чаепитий и разных там походов в сортир, то можно хронометраж и вовсе не вести... пока... только записывать задачи, встречи, переговоры, звонки...

– Напряглись?

– Да как обычно... я в таких случаях свой собственный журнал показываю, зачитываю отдельные места... чаще всего помогает... Затем скорехонько перевели разговор из рекомендательной в распорядительную тональность, установили недельный контрольный срок и с тем и разошлись... под

обычное в таких случаях глухое ворчание... А через неделю я взглянул, что они такого понаписали...

– У тебя в таблице все?..

– Да, поименно... само собой... там одна баба интересная – мне она сразу как-то приглянулась... такая, знаешь, от станка как бы... все воспринимает всерьез... по сути – антагонист этому Якову... вот она прямо роман производственный написала... зачитаешься!.. с драматургией, с акцентами...

– А остальные?

– Ну и остальные ничего... кто лучше, кто хуже... но все написали!.. все, кроме... угадай кого?..

Аденоид смеется.

– Яков?

– Он. Так и не приступил. Я потом приватно ему говорю... мол, так нельзя... отдавать распоряжение и самому же его игнорировать... А он – типа не могу, у меня столько работы, времени нет ни на что, вы же видите... Я говорю: нет, не вижу, я же не сижу тут у вас в офисе целый день – а вот из журналов как раз и надеялся увидеть, как распределена нагрузка... Ну он вроде согласился... Решили продолжить. Еще две недели (я пока документооборотом занимался) прихожу – а все та ж картина: тетка пишет свои романы, остальные пыхтят помаленьку, кое-кто уже привыкать начал... а Охонько этот – так и не попробовал даже... короче, как я сказал – гнать ссаной тряпкой... и эту бабу – на его место... очевид-

ный просто случай...

– Написал?..

– Да, все здесь.

Протягиваю прозрачную папочку с отчетом.

– Ну вот и ладушки... ладушки... – Аденоид берет папочку в руки, слегка ее встряхивает, словно бы прикидывая вес, после чего вновь опускает на стол, поближе к своему краю.

– Планы будешь смотреть?.. – я достаю еще один листок, пальцамидвигаю его в сторону собеседника, одновременно наблюдая за его реакцией, – по документообороту у них, Костя, в целом неплохо уже... принимают, хотя и ругаются...

– Ладно... – Аденоид вдруг откинулся на спинку и, сложив на груди руки, ненадолго прикрыл глаза, – планы... пришли мне потом мэйлом планы... что-то устал я, если честно... этот дядька... ну ты видел... просто высосал меня всего... как все равно паук муху... давно таких переговоров не случилось...

Он открывает глаза и виновато улыбается.

– Слушай... ну их всех к бесу... поехали куда-нибудь сейчас... посидим, выпьем... машины на внешней парковке можно оставить, она бесплатная... завтра заберем... вот, знаешь, даже домой сейчас не хочу почему-то... ну что?.. давай, давай, свалим отсюда... и ты мне, наконец, расскажешь, что там у тебя приключилось... а то намекнул вскользь, а я и не расспросил... нехорошо... работаем вместе, а про жизнь и не общаемся толком...

Я смотрю на него с детским затаенным восторгом:

– Да как скажешь, Костя... давай, поехали конечно, я-то свободен...

Найти на Охте нормальный ресторан, это знаете ли... Но не таков Аденоид, чтобы пасовать перед подобного рода трудностями – воистину, он не был бы самим собою, коли, оказавшись где-нибудь, загодя не изучил бы все подходы и окрестности. В общем, плюхнувшись на заднее сидение, мой благодетель уверенной десницей направил таксиста в нужную сторону и тот привез нас вскоре в какое-то не слишком пафосное заведение, скрытое к тому же двумя линиями домов от досужих глаз проезжающих по Большеохтинскому проспекту.

– Здесь неплохо, – уверенно бросил Аденоид, направляясь к столику, – Свежее совсем место... Еще не успели скурвиться...

С шумом отодвинув стул, он сел, водрузив рядом с собой портфель, обернулся ко мне и, не дожидаясь, пока я займу свой, продолжил:

– Да и не успеют уже, по всему...

– Что?

– Не успеют скурвиться, говорю...

– Почему же?

– Да потому что разорятся еще прежде того. Непременно. Даю год им еще, от силы – полтора. А потом – все, айёля.

Он потянулся за меню и уже секунду спустя углубился в чтение принесенного метрдотелем увесистого фолианта.

– Нет, погоди, погоди... мне интересно... ну вот откуда ты это знаешь?

– Как откуда?.. – Аденоид нехотя оторвался от чтения, – Видишь же сам – вокруг хоть шаром покати... никого... пустой зал... огромный такой... и пустой... одни скучающие официанты с очами как оловянные пуговицы... а ведь уже вечер пятницы наступает, считай, время рублевое... ну и теперь прикинь, какие у них расходы...

Он как-то странно вздохнул – разом устало и сочувственно. Сочувственно вроде бы к обреченному ресторану, но на самом деле – к себе самому, к кому же еще, к себе самому, измученному и уставшему.

– Ну я же здесь бываю... что ты... раза три в месяц, наверное... или даже чаще... и обедаю, и вечерами иногда... так вот, говорю тебе: ни разу не застал нормального наполнения!.. ни единого разу!..

– А отчего так?

Аденоид пожимает плечами.

– Бог его знает. Ресторанный бизнес вообще непредсказуем. Русская рулетка.

– И фастфуд?

– Нее... Фастфуд... Фастфуд – это совсем другое. Фастфуд это обычный бизнес, очень приятный, у меня был клиент, блинчики пек... все просто замечательно...

Аденоид улыбнулся помимо воли – видимо, работа с блинпеками и в самом деле оставила у него какие-то исключительно добрые воспоминания.

– Ладно, надо же что-то заказать... Я, со своей стороны... смею посоветовать... Хотя они себя и позиционируют, конечно, как аргентинский гриль-бар, стейки-фигейки и все такое... Короче, повар здешний – мастак рыбу готовить, вот что... только никто в целом свете об этом не догадывается... и, само собой, не заказывает... а ты – возьми!.. закажи вот, видишь – дораду с овощами... морского карася, по-нашему... да...

Я следую совету, мы делаем заказ, затем выпиваем по рюмке водки в качестве аперитива и лишь после этого удается расслабиться помаленьку. Аденоид – и тот начинает оживать:

– Знаешь, я тут как-то стал свидетелем... короче, прихожу пообедать – а тут движуха какая-то, девки полуголые, музыка, телевидение снует... хотел уж было ретироваться, думаю, чего людям мешать – но меня остановили: нет, нет, что вы, не беспокойтесь... занимайте любой столик... Ну, сел вон там, у окна, смотрю, значит...

– И что это было?

– А это было... вот, что это было... это, короче, они так пытались... себя продвигать...

– Через телевидение?..

– Нет... ну зачем... Через шоу. Это было шоу, которое

называется... «взвешивание».

– Чего-о?

– Взвешивание профессиональных боксеров. Ну, перед боем, там, положено... взвесить... под протокол... Так вот, под это дело устраивают эвент. Рекламодатели, все такое. Очень живописно: девки трясут ногами, бойцы бросают такие зверские взгляды друг на друга, мол, *прямошастебяпорвуелесдерживаюсь*. Тренеры с серьезным видом говорят глупости в микрофон...

– Понятно.

– Не, ничего тебе не понятно. Я главного не рассказал еще.

– Главного?

– Ну да, главное впечатление, которое я из этого вынес...

– О, господи, Костя, ты что из всего-всего на свете *выносишь впечатления*? Вот мы с тобой сейчас сидим, а ты тем временем *выносишь впечатления*, да?

Наморщив лоб, я с чувством декламирую:

– «Вот ты, мудила, просто ходишь. Переставляя две ноги. А президент предпринимает. Шаги».

Аденоид улыбается смущенно и даже несколько обиженно.

– Ну а как иначе, Игорь?.. Жизнь, она же и состоит из впечатлений... только они и остаются, их потом и в могилу с собой забираешь... а не выписки с банковских счетов...

Я киваю, разливая по опустевшим бокалам Barbaresco.

Чего-чего, а жизнь Аденоид понимать умеет, да – нам тут учиться и учиться...

– Ну так и что же тебя в тот раз поразило?

– А вот что, – Аденоид опять улыбается, на этот раз словно бы немного стыдливо, – Ты, значит, только представь, Игорь, зрительно: вот, в зале с дюжину мужиков, да? Разного возраста, роста, комплекции. Одни, там, в спортивных костюмах, другие – наоборот, при полном параде, пиджаки не самые дешевые, галстуки, все как надо. Блондины, шатены, кто-то – лысый как пень, кто-то – седой как лунь...

– Да...

– Словом, ничего общего, казалось бы. Но! Но у всех, слышишь, у всех до одного – расплющены носы!

Я начинаю смеяться. Аденоид тут же с готовностью подхватывает:

– Нет, ну вот только представь... я еще сперва подумал: они как, родственники все, что ли? но уже... в следующий... миг... допетрил – носы!! Да, носы!.. Это... вот, знаешь, что мне напомнило?

Он с трудом продирается сквозь смех.

– Вот просто первая аналогия... сама собой приходит... исподволь, можно сказать...

Я мотаю головой.

– Нет...

– Ну как же... собачья выставка... представь: много-много эрдельтерьеров... и у всех – купированные хвосты!

Меня вновь пробирает смех, с трудом заливаю его вином и ради большей надежности закупориваю еще и кусочком рыбы.

– Точно! Я представил, ага... точно, как эрдельтерьеры... им купируют хвосты и уши... чтоб никто за них в драке не укусил...

– Ну видишь...

Теперь мы оба ржем в голос. Барбареско сделало свое великое дело...

.....

Потом, когда убрали тарелки, в пору долгих ласковых полусумерек десерта и кофе, Аденоид наконец поинтересовался моими обстоятельствами. Черт его знает – может, он и правильный выбрал момент: алкоголь и еда уже сделали меня болтливым, но еще пока – не занудным. В общем, я довольно длинно, но, полагаю, все-таки весело трындец тогда про Карину, склоняя на все лады ее затеи и собственную беспомощность – и, надеюсь, в целом, это больше походило на цирк, нежели на исповедь у терапевта, – как в давешнем разговоре с печальной Ксенией.

Аденоид меж тем оттаял окончательно: заказав портвейн, он теперь посасывал его по чуть-чуть, откинувшись на спинку своего стула и глядя на меня так, как глядят на непутевых детей хороших знакомых – с некоторым, как бы сказать, сочувственным неодобрением: дескать, *ну что же ты, родной, я так на тебя надеялся!* Он то кивал головой, то хмурил-

ся сквозь улыбку и наконец дождавшись, когда мои рассказы ни иссякли, не замедлил вынести хирургически-выверенный вердикт:

– Ну я считаю, Игорь, что ты дурью маешься, уж прости... вместо того, чтобы как все, завести себе нормальную разведенку с ребенком среднего школьного возраста... которая все понимает, все умеет и ни на что особо не надеется...

Я молча выгнул брови.

– Коли честно, так и вовсе не пойму... как в нашем с тобой возрасте можно жить с бабой, никогда не имевшей детей?

Аденоид отодвинул опустевший бокал, покачал головой и вновь поднял на меня глаза:

– Эти нерожавшие бабы – они, в сущности, аксолотли еще...

– К-то?

– Ну аксолотли. Головастики. Такие как бы личинки земноводных, не желающие становиться взрослыми особями, им и без этого прекрасно. В благоприятных условиях окружающей среды всю свою жизнь проживают в фазе головастиков. В зоомагазинах продаются, зайдя как-нибудь интереса ради... взгляни...

– ??..

– Нет, правда – они очень красивые порой... такие жабры кружевные колышутся... за то их, в сущности, и держат в аквариумах... и секс у них в жизни есть и все такое... но вот беда – невзрослые...

– Ну так и что...

– Ну так и то. Такую недобабу если уж у себя завел – то как бы тоже следует держать в аквариуме. Ну или разве что в молодости – когда ты сам еще – аксолотль. Тогда да, все в порядке – вы на равных, вам обоим интересно... что там спереди да как... ну и гормоны бушуют, чего уж... А вот после сорока уже – одно из двух: либо дочь, либо – секс-кукла. Третьего не дано, прости.

Словно бы легкий приступ паники... но нет, просто действие портвейна на слизистую желудка...

– У меня есть дочь. Зачем мне еще одна?

– А бог тебя знает, может, ты своей недоволен. Экзистенциально недоволен. Сам того не замечая. И хочешь исправить ошибки какие-то.

– Да вроде доволен...

– Тогда – секс-кукла... тут методом исключения... третьего не дано.

Он принялся живо мотать головой из стороны в сторону.

– Третьего не дано... не дано...

Потом в такси меня впервые за много лет укачало. Где-то на Пискаревском я попросил водителя остановить, опрометью выскочил из машины и, покорно встав над какой-то канавкой, принялся ждать надлежащей кульминации. Однако рвоты не случилось. Позывы мало-помалу сошли на нет, и я, ободренный вечерней свежестью, вернулся в автомо-

биль. Таксист молча тронулся, вдавив меня в спинку сидения, при этом нечаянное облегчение меня, помнится, даже немного расстроило: «и в этом тоже, – стрельнуло в пьяном мозгу, – да, и в этом тоже ты несвободен, зажат... неспособен в полной мере расслабиться... позволить вещам идти их естественным, ничем не сдерживаемым ходом... бестолочь... *раб шумных сборищ и мычащих стад!*...»

Всяк волен в неприязни. Вот просто ненавижу выражение «бог троицу любит». Какая-то неизводимая пошлость стоит за ним, претензия на объяснение сущего вне попыток в этом сущем хоть чуток разобраться. Моргнешь ресницами – и встают перед глазами, словно живые, эти несчетные и несчастные безликие мужчины и женщины, исправно наступающие в третий раз на очередные грабли судьбы и сплевывающие указанную фразу там, где нужно бы тихо сказать «аминь!». Или же и вовсе промолчать да пошевелить мозгами.

В общем – бог троицу любит, и неделю спустя после Барбареско им. святого Аденоида я вздумал повторить свой каминг-аут, избрав на этот раз Кота конфидентом.

Со Славой мы, считай, и не виделись со времени той памятной вечеринки. Раза три разговаривали по телефону, еще столько же раз Маша, одна, без вечно занятого мужа, составляла нам с Кариной компанию в борьбе с досугом. В общем, я считал, что отношения с Котельниковыми в полной мере восстановлены и форсировать коммуникацию нет нужды – в конце концов, добрые приятели тем и хороши, что о них не нужно думать постоянно. Если, конечно, не происходит ничего печального.

Короче, повод возник. Не повод, а так: по Аденоидово-

му проекту проступили какие-то юридические вопросы, и я, следуя студенческой перфекционистской привычке, почти угасшей, но все-таки дававшей время от времени рецидивы, решил разобраться досконально (работа этого отнюдь не требовала) и позвонил Коту. Кот завел объяснение от яиц Леды, я запутался, в итоге постановили встретиться очно и разжевать все до консистенции пастеризованного младенческого питания.

Надо сказать, что последняя, рабочая, суббота апреля выдалась сравнительно теплой – каденция нескольких дней довела термометр градусов до шестнадцати, что не могло не поднять настроения, породив мечты о дальнейшем прогрессе в подобном же духе. Сразу скажу, что мечты эти ничуть не оправдались: коли не путаю, уже в воскресенье начало холодать и вплоть до первых чисел мая все болталось и болталось на уровне прежних унылых плюс семи – десяти, максимум – но мы с Котом об этом, само собой, знать не могли и просто шурились как дети забытому за зиму солнышку.

Да, я забыл пояснить, что встречались мы прямо на свежем воздухе, в парке Лесотехнической академии, куда Кот подрулил, устаканив свои рутинные дела в Выборгском районном суде. Ну а мне, понятно, и пешком было два шага...

Скажу в свое оправдание, что инициатива в выборе места была не моя – Кот сам же и предложил, сам и встретил меня, причем, именно там, где мне было всего удобнее: на Новороссийской у калитки против улицы Орбели, а не, скажем,

на углу с Сампсониевским или рядом с каким-нибудь еще входом в этот огромный парк. Вряд ли это было жестом любви – скорее, случайным стечением обстоятельств, своего рода добрым предзнаменованием.

В общем, к моему приходу Кот уже стоял возле известной лишь местным жителям прорехи в вытянувшейся во всю свою километровую длину чугунной изгороди. Точнее, прохаживался там взад-вперед по дорожке, заложив руки в карманы и зажав под мышкой тоненькую кожаную папочку, содержимое которой он, как видно, не решился доверить багажнику припаркованного автомобиля. Меня он заметил лишь в ответ на мой оклик – оторвался от разглядывания собственных туфель, поднял глаза и как-то устало улыбнулся.

– Привет...

Я приобнял его за плечи.

– Привет, привет... давно уже здесь?

Он молча помотал головой.

– Ну значит я не опоздал!.. Знаешь, вот прошелся сейчас от дома... такое странное ощущение... все равно как в прошлое нырнул головой вниз...

Кот понимающе кивнул:

– Ну да. Я помню. Ты же вырос в этих краях...

Мы двинулись по аллейке вглубь парка, затем свернули налево и пошли в сторону Институтского переуллка.

– Ну тут считай родное все, да... Отец в детстве водил сю-

да гулять... а до него – дед, но этого я уже и сам не помню...

– Сюда, в этот парк?

– Ага... да тут всё, я ж говорю... вон, кардиоцентр на Орбели, вон там, за деревьями, ты отсюда не видишь... так вот, в нем отец и помер... три раза отлеживался там после инфаркта, потом выписывали... а на четвертый – помер... А с этой стороны тогда был интернат для дефективных детей... ну или так считалось, что для дефективных, не знаю... но что был интернат, это точно... И вот я, когда в детстве мимо проходил... всегда в глубине души, боялся... боялся с этими детьми столкнуться вдруг лицом к лицу... старался поскорее проскочить... даже когда не один шел...

– Ну и как, столкнулся все-таки?

– Не-а, ни разу. Во всяком случае, не помню такого. Даже в окнах вроде не видал никого.

– Тем страшнее...

– Вот ты понимаешь!

Смеемся оба.

Какое-то время мы молча перебираем ногами – весенний парк завораживает предвкушением зеленой листвы, клейким запахом лопающихся почек, какой-то теплой дымкой, не то поднимающейся от созревших за зиму листьев, не то излучаемой прогретшимися наконец деревьями и кустами, чьи серые еще недавно как уголь ветки разом обогатились тончайшими дополнительными оттенками – одни зеленым, другие розово-коричневым...

– Скажи, а ты откуда знаешь... ну про эту... про калитку здесь?.. – я с трудом вывел себя из анабиоза, – тоже что ли здесь бывал?

– Гуляли тут, помнится... еще когда я к Машке женихался... – Кот кивнул в ответ как ни в чем не бывало, – вот с тех пор и запомнил...

– Но ведь это же сколько лет прошло!

– Ну да... вот такая у меня память, что сделаешь... беда просто... ничего не стереть, как ни пытаюсь...

Я усмехнулся.

– Эту калитку, если хочешь знать, с тех пор раз пять заваривали... потом открывали опять... то есть не было никакой гарантии... что именно сегодня она...

Кот вдруг резко остановился и, повернувшись ко мне лицом, чеканно произнес, глядя в глаза:

– Ну и что? Значит мне везет. Вот и все. Просто везет.

Я кивнул:

– С тобой хорошо.

– Ага. Давай теперь где-нибудь сядем, и я все-таки объясню тебе эту трахимудию...

Какие-то нотки недоумения проступили в голосе, он то ли стеснялся немного, то ли старался сдерживать легкое подспудное раздражение.

– Ты торопишься?

Кот мотает головой.

– Уже нет. Ладно, давай погуляем, не беда.

Мы выходим к корпусам Лесотехнической академии, берем направо и мимо вросшего за столетие в землю деревянного флигеля, по обсаженной туями аллею идем вдоль Институтского.

– Видишь – теплицы?

– Да. А что?

– Я вот помню, как их строили. Долго-долго. Выложили кирпичом первый этаж, начали второй и застряли. Сейчас вот кажется, что на несколько лет. Мы с отцом гадали, что же это будет такое и сколько построят всего этажей – и на каждой прогулке убеждались, что дело не движется... а потом вдруг враз застеклили – и вот тебе теплица...

– Экий ты сентиментальный...

– Ну я же мальчиком был тогда... А вот этот белый корпус – я как-то летом, когда никого нет, пролез через ворота во внутренний двор – а там бац, стоит всамделишный бронетранспортер!

– Забрался на него?

– А то! Как Ленин все равно.

Кот хмыкнул.

– Ладно. Так где нам тут присесть?

– Сейчас покажу. Там, за углом, возле входа вроде должна быть скамейка.

Мы обошли белое здание, увитое в высоту первого этажа девичьим виноградом, и действительно обнаружили пару массивных садовых скамеек, установленных вдоль юж-

ного фасада, недалеко от парадного входа. Одна из них, по счастью, была пуста и чиста, мы с наслаждением плюхнулись на нее и какое-то время просто сидели, откинувшись на спинку и подставив солнышку лица. В этом месте пространства, рядом с прогретой за утро оштукатуренной стеной, лето наступало с опережением: листья и побеги растений вырывались на свет божий неделей раньше, в беспорядочных переплетениях провисших стволов весело щебетали воробьи, распутив перышки и радуясь насекомым, на свою беду досрочно повывлезавшим из зимних убежищ. Даже запах вокруг был какой-то летний – хотя, возможно, мне это только казалось.

– Хорошо здесь!

Кот кивает молча.

– Хорошо. Хотя после этого сраного суда, знаешь, везде хорошо... Ладно, давай к делу.

Он положил на колени свою кожаную папку, коротко жикнул молнией, после чего извлек оттуда расчерченный в клеточку и посаженный на кольца простенький блокнот формата А5. Затем щелкнул авторучкой.

– Смотри же...

Ручка уверенно закрипела по клеточкам, оставляя после себя неровные прямоугольники, соединенные нарочитыми угловатыми стрелками, а также короткие надписи едва ли не детскими печатными буквами. Надписи эти, никак не желая помещаться внутри отведенных им рамок, лезли

оттуда прочь, мельчая и забирая всякий раз вверх – но все же исправно достигали положенных окончаний, не размениваясь на сокращения: их Кот терпеть не мог.

Не прошло и двадцати минут, как прежняя вуаль непонимания рассеялась без следа. Все оказалось просто, вернее – все теперь казалось таковым, порождая удивление прежде моему тугомыслию. Впрочем, я знал, что подобное чувство – столь же обманчиво, сколь и характерно: всякая материя прежде чем будет понята, с неизбежностью возьмет свое. Свое во времени ли, в количестве ли раз повторения – но ровно столько, сколько назначено ей благословенной Метидой.

Закончив объяснение, Кот терпеливо выждал паузу, дав мне время осмыслить обретенное откровение, затем вновь откинулся на спинку скамейки. Блокнот так и остался лежать у него на коленях.

Какое-то время опять сидели молча.

– Скажи... а с этой Машкиной подружкой... Карина или как ее там... короче, у тебя с ней теперь *все*, насколько я понимаю?

Сказав это, Кот не изменил позы – как и прежде жмурился на солнышко, обхватив руками затылок и выгнув локти так, что они сделались похожи на крылья гигантской бабочки.

– Мне Машка давеча наплела чего-то... но я так ни хера и не понял, говоря по правде... кто-то кого-то *не так любил*... она – тебя или ты – ее, наоборот...

Я лишь кивнул головой.

– Ну, как-то так...

– И что?

– Не знаю...

– Она от тебя или обратное?..

– Она. – Я невольно вздохнул, – А может, и я... в таких делах сам черт не разберет... в общем, все делается по обоюдному согласию, не правда ли?

Кот усмехнулся.

– Она странная, конечно... я, впрочем, видел-то ее раз пять, наверное... Машка говорит, она сейчас в депрессии, ни с кем не общается, с работы ушла...

– Я тоже.

– Ушел с работы?

– Да нет же. Я тоже в депрессии. А с работой... ну хоть в этом – порядок, и то спасибо богам-олимпийцам...

– А что же не так? – Кот словно бы проснулся, убрал руки из-за головы и, повернувшись ко мне, взглянул исподлобья. Кажется, впервые за это время я почувствовал, что разговор ему и впрямь интересен.

– Да всё, в общем...

– ...новой бабы не найти?

– Ну, нет... то есть да... короче, я и не ищу пока... и даже не знаю, кого бы хотел сейчас найти...

Кот чуть слышно присвистнул.

– Экое у тебя... повышение ставок...

– Да чего уж там... просто не нужен никто... как и я теперь – никому...

– Теперь?.. – Кот улыбнулся.

– Ну да... не знаю, может, возраст... или другое что...

Получилось как-то жалобно, и я невольно поморщился.

– Ну вот чувствую себя такой Луной вокруг Земли... понимаешь... летаю... вроде бы и весь на виду и сам все вижу – а по существу, дела никакого нет. Ни Луне до земных дел, ни наоборот... одни только воспоминания какие-то... бесплодные и мучительные...

Теперь Кот смеется в голос:

– Возраст у нас с тобой... еще детский, Игорь... правду говорю!.. детский!.. еще свадьбу играть – самый сок... Тут у тебя действительно другое...

Выпятив нижнюю губу, он два раза кивнул сам себе.

– Тут другое совсем...

Я невольно заражаюсь его глубокомыслием:

– В чем же оно, это *другое*, поведай мне тогда, о, мудрейший?

– Да почему мне знать... ты лучше вот что... ты скажи: ну а в койку тебе баба нужна ведь?

– Нужна, да...

– И как же ты?..

– А черт его знает. Устрою как-нибудь... но, боже упаси теперь – чтоб кто-то дома у меня шнырял... выставляя на показ экзистенциальную маяту... хватит, наигрался!..

– Что ж, это ведь прикольно по-своему, разве нет?

– Ужас как прикольно... (я начинаю заводиться) Чувствуешь себя потом раненым на чужой войне...

– Ну, ясно, ясно... – Кот почувствовал, что пора меня успокаивать, – значит, не хочешь ни с кем теперь связываться... так и запишем...

Он взял рукою блокнот – словно бы и вправду решив записать в него что-то.

– Так что тебя все-таки не устраивает, а? Захотел жить один – и живешь один теперь. Бабу надо в постель... ну так для этого проституция изобретена человечеством... Чего еще-то тебе жажжется?

Пожимаю плечами. И вправду – а чего еще?

– Мне кажется... послушай, мне вот кажется... хотя могу и ошибиться...

– ...ну-ну... давай-давай...

– Только не смейся, ладно?..

– Не буду, не буду. Валяй. Давай раскрывай мне свои желания, а я, как тот джинн из старинной лампы... Сложу на груди руки и стану талдычить: «слушаю и повинуюсь, мой господин!».

Сказав это, он и в самом деле сложил руки крестом.

– Знаешь, мне, наверно, нужно чего-то нового... какие-то незнакомые ощущения, или как бы сказать... чтоб была такая... позитивная неопределенность.

– *Позитивная неопределенность?* Всего-то? По-русски

это называется счастьем, милый мой друг... ничего другого... все как у всех... в общем, ты мне не ответил по существу... толком ничего не сказал...

– Да ну тебя, Слава, тебе не угодишь... какой ты джинн, на хрен...

Я растерянно качаю головой.

– Слушай, ну я, правда... правда, не знаю, как объяснить иначе... ну вот не то, что бы не осталось в мире неизведанного – этого-то хоть отбавляй... на каждом шагу... а вот нет такого неизведанного, чего бы я на самом деле хотел изведать...

– А как, скажи, можно знать заранее, чего бы ты хотел, а чего – нет?.. ведь оно ж в самом деле – неизведанное...

– Ну я не знаю... наверное, никак... видимо, я просто разучился мечтать!..

– Вот! – мой собеседник словно бы даже обрадовался. Лицо его расплылось в улыбке – снисходительной улыбочке Люцифера, протягивающего игрушку смертельно больному ребенку, – вот ты и сформулировал на этот раз как надо: *разучился мечтать*. А то – не знаю, как сказать, не знаю, как сказать... заладил тоже... как баба... все ты знаешь...

А ведь он прав, черт возьми! Теперь и я улыбаюсь – пожалуй, с искренним облегчением.

– Ну, хорошо, хорошо, пусть так. Разучился мечтать. И что, по-твоему, подобное – лечится?

Кот пожимает плечами.

– Не знаю. Лечится, наверное.

– Как?

– Ну, как. Ты сам сказал – новыми впечатлениями.

– И каких же впечатлений мне теперь искать? – комариный писк надежды, зародившись, тут же глохнет в моем мозгу, – вот расскажи, придумай мне, Слава, будь ласков!..

Кот изображает наигранной удивление.

– Да чё там... Купи себе собаку.

– Собаку? Какую собаку?

– Большую. Лохматую. Пастушеской породы. Или, может, козу.

– Чего-о?

– Того. Купи собаку или козу и занимайся с ней скотоложеством. Вот тебе и новые ощущения с впечатлениями... целая куча... мало не покажется... Законом, конечно, запрещено, но никто ведь не прониюхает!

– Сука ты, Котельников...

– Да ладно, ладно... (снисходительно улыбается) не пугайся... смотри... вот тебе дебютная идея, так сказать... а дальше поглядим... включаешь компьютер и лезешь, значит, на сайт...

– ...какой еще сайт?..

– Лезешь на сайт... называется «взять на содержание» ком... только в одно слово, английскими... сейчас, погоди, запишу тебе тут...

Он вновь щелкает ручкой и размашисто чертит что-то

в своем блокнотике. Затем порывисто выдирает страницу и, сложив ее пополам, протягивает мне. Беру и машинально сую в карман, даже не взглянув.

– Ты что, Слава? Это сайт знакомств? Со всякими идиотскими анкетами и поборами за подъем анкеты в заоблачную высь?

– Ну нет. Хотя можно, конечно, и так сказать. Но все же не совсем, да. Другое. Этот чуток посерьезнее. Бабы, предлагающие взять себя на содержание...

– Это я уже понял, что бабы. Предлагающие себя... Из названия... Пиявушки, одним словом. Ну и нафига мне, скажи, они сдались?..

– А чем плохо? – Кот словно бы искренне удивлен.

– Херня ведь...

– Да ладно... – качает головой, одновременно убирая блокнот в папочку, – Это тысяч сорок, вряд ли больше... сдюжишь вполне... зато все полностью подконтрольно... по твоим правилам... чем не игра?.. и главное, всегда можно остановить...

Он задумался на миг, затем сглотнул и после продекламировал едва ли не торжественно:

– Предвосхищая твой вопрос об отличии этого от проституции... скажу... что разница здесь... вполне качественная... ну примерно... примерно, как между театральным представлением в четырех актах и статуей...

Мне становится смешно.

– Ну и зачем мне статуя в четырех актах?.. Скажи мне, друг мой, Слава?.. ерунда это, вот что... но все равно спасибо тебе, кое-что помог мне понять, это точно... без тебя бы я совсем...

Я обрываюсь на полуслове – и тут на меня снисходит маленькое озарение:

– А, слушай!.. один только вопрос еще... могу я задать, да?.. только если не хочешь, не отвечай – мне просто любопытно, не более того... короче, скажи... а откуда ты сам узнал... про это *насодержанииеком*?

Кот хмыкнул. Затем улыбнулся с какой-то шоколадной загадочностью:

– Да я, Игорек, много знаю такого, что и не снилось вашим мудрецам... Что ты... Ладно, пойдем отсюда... меня Машка уже заждалась с обедом...

Бумажка – она бумажка и есть. Вернувшись домой, я все-таки вспомнил про нее и, вынув из кармана, бросил на письменный стол, придавив за уголок основанием лампы – чтобы не убежала. Потом я дня два паялился на топорщившийся бахромой край этого расчерченного в голубую клетку листочка, потом меня как-то торкнуло навести на столе порядок, вытереть пыль: листочек перекочевал на диван, с дивана, кажется – на пол, а уже оттуда – в ненасытную пасть Зариминского пылесоса. Возможно, он и сейчас где-то там.

Еще день спустя, я вдруг вспомнил тот разговор с Котельниковым – и, в частности, сентенцию про этот, как его, сайт знакомств. Включив компьютер, я... принялся искать давешнюю бумажку? названивать Коту? Да полно, вы что, в самом деле! В нашу-то эпоху развитого контекстного поиска?.. короче, не прошло и пяти минут, как услужливый Гугл выдал мне искомое – а ведь я даже слово «содержанка» не удосужился вспомнить самостоятельно! Коли уж откровенно – я и компьютер-то включил не за этим: надо было посмотреть кое-что да проверить почту, в которой, как на грех, оказался ворох пространных и нудных отчетов от Аденоида. Вздохнул и стал читать, проставляя пометки, и так отдался этому занятию, что, встав из-за стола полтора часа спустя, почувствовал себя кем-то вроде Железного Дровосека –

казалось, внутренности моего мозга сами собой проросли микросхемами и плохо смазанными кинематическими конструкциями наподобие часовых – со штифтами, шестеренками, храповичками и муфтами. При этом половина должного по-прежнему была не прочитана.

Я поплелся на кухню, вскипятил чаю, и, швырнув в чашку кривой ломтик лимона, вернулся назад. Минуту или две глаза пялились в экран ноутбука, затем среди этих мозговых штифтов что-то перещелкнуло, сдвинув, как видно, механизм на иной, не предусмотренный исходным замыслом путь. Теперь я словно бы со стороны смотрел, как рука водит мышкой, описывая замысловатые кренделя, как, повинувшись этому движению, ангел экранного курсора закрывает окна одно за другим, как в освободившемся браузере проступает закопанная прежде едва ли не на дно страница гугл-поиска... затем левая моя рука указательным пальцем, не без опечаток и последующих исправлений, набивает ключевые слова – Гугл откликается страницей выдачи, после чего рука, выбрав третью сверху ссылку, и, как видно, этим вполне удовлетворенная, домашней кошкой ложится на гладкую, цвета американской вишни столешницу...

Однако же направленное движение электронов делает свое нехитрое дело. С секундной задержкой на экране формируется уходящая в обе стороны за край строчка нарочито-пленительных женских портретов и сразу же за этим вываливается не дающее расслабиться окно: «Вам уже испол-

нилось 18? да – нет».

Печально хмыкнув, я выбираю очевидное – в ответ, среди разноцветных рекламных блоков, столбиком высвечивается главное меню: ПОДАТЬ ОБЪЯВЛЕНИЕ, ВОЗЬМУ НА СОДЕРЖАНИЕ – ДЕВУШКУ, ВОЗЬМУ НА СОДЕРЖАНИЕ – ПАРНЯ, ИЩУ СОДЕРЖАТЕЛЯ, ИЩУ СОДЕРЖАТЕЛЬНИЦУ, СОВМЕСТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ, VIP-АНКЕТЫ... Перегар чужой суеты коснулся меня – все так же безучастно я наблюдаю, как моя рука скользит курсором по строкам меню, выбирает нужную строчку и, кликнув по ней, деликатно отводит курсор в сторону, утопив мой взгляд в ворохе объявлений – лаконичных и стандартных как сестрички-двойняшки.

«Я приятная и очень милая девушка, брюнетка, карие глаза, и очень нежная кожа) ... Ищу мужчину 27—37 лет, не очень худого и без животика, только славянин... Хочу оказаться в заботливых руках. О себе: милое личико, худое телосложение, 23 года, 165/47... спонсора для отношений и встреч без вмешательства в лж, желательно в дневное время на нейтр. территории... Ищу Мужчину в Москве, который готов стать первым и материально помочь. Мне 18 лет, занимаюсь гимнастикой, учусь на 1 курсе... С удовольствием познакомлюсь с состоятельным мужчиной-содержателем для необременительных, приятных встреч. Умею поддержать беседу... Мне 23, рост 170 см, с красивой попкой и грудью второго размера. Люблю всячески удо-

влетворяют мужчину и приносят ему удовольствие... Воспитанная, ухоженная, длинноногая брюнетка с 4-м размером груди ищет постоянного мужчину спонсора для встреч с материальной поддержкой... Мне 25 лет, высшее образование, развиваю проект в сфере восточной медицины, умная, веселая, коммуникабельная. Не курю. Люблю рисовать, читать, отдыхать и путешествовать. Ищу содержателя... Буду предельно честна и конкретна. Хотелось бы найти мужчину, понимающего все тонкости содержания. Предпочтение отдаю женатым мужчинам... В связи с трудной ситуацией в жизни, нуждаюсь в фин. поддержке... 21 год, яркая, миниатюрная брюнетка, вес 41, рост 168, изящная и сексуальная) развита как интеллектуально, так и духовно! Хотелось бы найти мужчину, с кем все будет в кайф...»

Ага, ага... Хотелось бы... найти... мужчину... с которым все будет в кайф... что... мне бы тоже хотелось... найти... мужчину... женщину... да хоть кого... даже кавказскую овчарку, как рекомендует Котельников... с которой будет в кайф...

Какая-то неведомая сила возвращает и возвращает меня в это месиво – я, наверное, похож сейчас на одинокого синего кита, приговоренного фильтровать планктон среди засранного пластиковым мусором моря – набирая раз за разом полный рот солоно-горькой воды и после выдавливая ее через сито роговых пластинок... в надежде зацепить хоть что-

нибудь съедобное.

«Срочно ищу спонсора строго от 48, дело не в деньгах, а в том, что я геронтофилка, самая настоящая!»

Дело не в деньгах, а в недвижимости. Нет, не то, совсем не то...

«Москвичка с двумя высшими образованиями. С женственными натуральными формами».

Конечно же – с двумя высшими натуральными формами – эта излишняя симметрия все и портит, симметрия über alles!

«Ищу взрослого и порядочного содержателя, кого привлекают девушки азиатской внешности. Не нужны заоблачные суммы ежемесячного содержания. Нуждаюсь в небольшой помощи. Ощущаю себя очень слабой и маленькой».

Тоже, в общем, не про меня – секундный укол воображения и все погасло...

«У меня очень сложные отношения с родителями, хочу от них уехать и жить отдельно, но для этого у меня нет денег. Я девственница, хочу найти мужчину спонсора, который поможет выбраться из сложной жизненной ситуации и заберет меня к себе».

Вот здесь уже лучше – какая-то драма проступает невзначай, будто бы обещает рассказ и слезы, да только где ж гарантия, что рассказ не окажется занудным?

«Рост 172. вес 50, грудь 2, но не против сделать пластику, если мужчина захочет. Стройная шатенка. Много стремлений и интересов. Увлекаюсь искусством».

О, Господи! Увлекается искусством!.. Вот ведь как!

Слегка утомленный всем этим, я откидываюсь на спинку кресла и, сделав глубокий вдох, потягиваюсь. Затем поднимаюсь, беру со стола чашку и, убедившись, что чаю там больше нет, несую на кухню. Решив сперва наполнить ее вновь – благо, заварочный чайник еще не вполне остыл – отстегиваю свежий ломтик лимона, но тут уже иная, более витиеватая идея посещает мой мозг: в итоге лимонный ломтик отправляется не в чашку, а на чистое блюдце, рядом с ним возникает несколько случайных печенюшек, а еще пару минут спустя ко всей этой роскоши прибавляется бокал с плещущимся на доньшке ореховым Courvoisier VSOP из початой недавно бутылки. Это мне вспомнилось почему-то, как на первом курсе попробовал впервые в жизни французский коньяк – в компании одноклассников заедал таким же вот лимонным ломтиком, только присыпанным сахаром и порошком растворимого кофе, тогдашний магазинный Camus Napoleon – купленный вскладчину за баснословные для нас 40 рублей! Да, я стал немного старше и знаю теперь, что приличные коньяки, даже VSOP, не заедаются лимоном, да, я много знаю о том, как надо и как правильно – но сейчас отстаньте, ладно? Никто на меня не смотрит, я у себя дома, в конце концов, и поступаю так, как в левом ухе у меня зачесалось... это ведь мой дом, и мой коньяк. А не ваш...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.